Пистоль и шпага

Автор:
Анатолий Дроздов

Пистоль и шпага

Анатолий Федорович Дроздов

Штуцер и тесак #2

Анатолий Фёдорович Дроздов – известный писатель-фантаст, пишущий в разных жанрах. Представляем второй роман из трилогии о нашем современнике, который попал на Отечественную войну 1812 года.

Трилогию открыл роман «Штуцер и тесак». Платон Руцкий, фельдшер скорой помощи, едет с пострадавшей в ДТП с надеждой не опоздать, но судьба распоряжается так, что машина сама попадает в аварию. Погибнув здесь, Платон приходит в себя уже в другом времени. Это июль 1812 года, и в городе, где он когда-то жил, хозяйничают французы. Главная задача героя на первое время – выжить. А на войне это непросто. И вдвойне сложней, если вокруг незнакомые реалии другой эпохи.

Из романа «Пистоль и шпага» вы узнаете о новых приключениях Платона Руцкого. Ему предстоит принять участие в одном из самых кровавых сражений XIX века – Бородинской битве. Теперь герой хочет не просто выжить, но и попытаться повлиять на ход истории, ведь кое-что в этом плане у него уже получилось ранее. Читайте продолжение истории попаданца!

Анатолий Дроздов

Пистоль и шпага. Роман

1

Засада… Не в том смысле, что у нас проблема – просто сидим. Багратион рассердился, что мы оставили пушки в Смоленске, и велел добыть новые. Сам-то 23 потерял, но ему можно. Он командующий 2-й Западной армией, генерал от инфантерии и вообще князь древнего рода. Хотя в Грузии таких князей – каждый второй после каждого первого. Наши пушки были полным барахлом: две списанные трехфунтовки и еще пара древних четырехфунтовок, которые мы притащили из имения графини Хрениной. Для них и ядер-то не сыскать, как и стаканов с картечью – сами заряды вязали. Но формально выглядит ужасно: потеря целой батареи. И не важно, что пушки мы заклепали, а французам они и на хрен не сдались – у них другие калибры, но фитиль нам со Спешневым Багратион вставил от души. Дескать, обязаны были вывезти. Бросить раненых, погубить людей, но железяки притащить. Здесь другое представление об оружии: пушки дороже человеческих жизней. Орудие стоит дорого, и делать его долго, а солдат бабы новых нарожают. 1812 год…

Это я ворчу. Посидите в засаде сутки – сами озвереете. Заняться совершенно нечем – только наблюдать из кустов, как прет на восток «La Grande Armee»[1 - Великая армия.]. Наполеону надоело сидеть в Смоленске, и он погнал своих баранов на убой. Торопятся покойнички… Лучше бы в Днепре утопились: и сами бы не мучились, и нам легче. Нет же, Москву им подавай! Медом им там, понимаешь ли, намазано. Будет вам мед – с мерзлой кониной вприкуску. На всю жизнь запомните…

Отслеживать передвижение французов легко – их выдают огромные столбы пыли. Они поднимаются высоко к небу – видно за несколько километров. Колеса повозок и тысячи ног размолотили грунт местных дорог в прах. Ноги проваливаются в него по щиколотку, а то и более. Дождей нет, жара, и вся эта взвесь, взбиваемая сапогами и копытами, висит в воздухе, оседая на мундирах и потных лицах. Солдаты превратились в негров – только белки глаз видны на черных лицах. Мундиры у всех одинаково черные. Помыться и постираться нельзя – с водой плохо. Ее и для питья не хватает. Колодцы в деревнях вычерпываются до дна передовыми частями, идущим следом достается жидкая грязь. Люди пьют из луж и болот, случается – и конскую мочу[2 - Реальный факт того времени.]. Здоровья армии это не добавляет. «La Grande Armee» ползет на восток, как линяющая змея, оставляя по пути клочки кожи. Но ползет – воля императора. Не ходил бы ты, Бонапарт, по шерсть – не вернулся бы стриженым…

Скучно. Сидим себе в лесочке, наблюдая с опушки за дорогой. Хотя, чего там разглядишь в пыльном облаке? Выбором цели занимаются казаки из приданной батальону полусотни – их на это счет жестко проинструктировали. Не добычу искать, наскакивая на отставших французиков, а выпасти для нас подходящую артиллерийскую часть – сравнительно небольшую, чтобы справиться, но с необходимыми орудиями. Двенадцатифунтовки не годятся – слишком тяжелые, шестифунтовки будут в самый раз. Четыре у нас есть – захватили под Смоленском, еще столько взять – и Багратион успокоится. Что-то он в последнее время неровно к нам дышит. Хотя не только к нам. Назначение Кутузова главнокомандующим расстроило генерала: в этой роли он видел себя. Царь решил иначе. Не потому, что питает слабость к Кутузову – тут ровно наоборот: не любит Александр I прославленного полководца – живой упрек своей глупости. Под Аустерлицем Александр решил показать Наполеону, какой он крутой перец, и, не став слушать возражения Кутузова, полез в бой. Результат известен. Если бы не героизм отряда Багратиона, задержавшего французов у Шенграбена, полетели бы от русской армии клочки по закоулочкам. Но и так кровью умылись…

Кутузова и Багратион не любит. Считает его слишком осторожным, медлительным, чрезмерно угодливым. Что есть, то есть. Лукавый царедворец – это про Кутузова. Трудно его за это упрекать – времена такие. Не угодишь императору – отправят в ссылку. Суворов в такой пребывал, да и у Михаила Илларионовича проблемы были. Но не Багратиону Кутузова винить – сам несколько лет отирался при царском дворе. Его отличал Александр I и особенно его мать – вдовствующая императрица Мария Федоровна, в девичестве София Вюртембергская. В числе избранных лиц Петра Ивановича постоянно приглашали разделить трапезу с царской семьей – великая честь по нынешним временам. И ждала бы князя блестящая карьера, не угоразди его влюбиться в сестру императора Екатерину. Та ответила взаимностью. Александра I этот мезальянс, мягко говоря, в восторг не привел. Мало того, что Багратион по своему происхождению не мог претендовать на руку его любимой сестры, так еще пылкий грузин состоял в законном браке! Пусть в несчастливом – его ветреная супруга шалила в Европе, но тем не менее. Екатерину срочно выдали замуж, а Багратиона отправили на юг воевать с турками. Лавров он там не снискал. Противника бил, гонял по берегам Дуная, но вожделенного мира не добился, как и сменивший его генерал Каменский 2-й[3 - Николай Михайлович Каменский, граф и генерал от инфантерии. Выдающийся русский полководец, военным дарованием не уступавший Багратиону. Умер от лихорадки, подхваченной на юге, в возрасте 34 лет.]. А вот Кутузов смог. Разработал

блестящую операцию, выманив турок на левый берег Дуная, где и дал им прикурить. Одержав победу, сумел потрафить султанскому визирю, тонко сыграв на струнах турецкой души, вследствие чего привез в Петербург такой нужный России мир. В результате осыпан почестями, стал светлейшим князем и великим полководцем в глазах народа. Собранный Александром I Чрезвычайный комитет единогласно высказался за назначение Кутузова главнокомандующим. И царю пришлось, скрепя сердце, подписать указ.

Вот такие страсти в петербурхах. А мы тут сидим, сухарь жуем. Костры зажигать нельзя. Увидят французы дым и заглянут на огонек. С них станется: у самих-то, поди, и сухарей нет. Ну, а те, что есть, не разжуешь без водички. У нас ее хоть залейся: нашли в лесочке ручеек. Наполнили манерки, напоили коней. Жить можно, только пушки нужны. Где эти сыны Дона бродят? Чуть свет ускакали – и ни слуху, ни духу. Хотя Чубарый, кровь из носу, обещал орудия для нас сыскать.

Чубарый – это фамилия и прозвище одновременно. Лицо у хорунжего в пигментных пятнах, как и круп его коня. Отсюда и погоняло. Кудрявый чуб, взгляд с прищуром. Про таких говорят: «Жох!» Первое, что спросил, прибыв в батальон:

– Как дуван делить будем, господин майор?

Спешнев от такой наглости онемел, но я ждал от казака чего-то подобного, поэтому пришел на выручку командиру батальона.

– По справедливости.

– Это как? – сощурился Чубарый.

– Все, что возьмете сами, без егерей – ваше. В совместном деле – доля, равная с другими. Остальное – в пользу батальона.

– Годится, – кивнул хорунжий, подумав.

– Но приказы мои выполнять в точности! – добавил пришедший в себя Спешнев. – Вздумаете шалить, своих грабить – попрошу командующего армией отправить вас обратно к Иловайскому с соответствующей реляцией. Это ясно, хорунжий?

– Не сумлевайтесь, ваше высокоблагородие! – улыбнулся казак. – Нешто мы без понятия? Коли к нам с добром, так и мы с душой.

Насчет грабежа Спешнев упомянул не случайно. Есть проблема. Атаман Донского казачьего войска Платов[4 - Матвей Иванович Платов, генерал от кавалерии.] ушел в запой. Склонен генерал к этому делу. Пока воевал с Багратионом при 2-й армии, держался. Петр Иванович сумел убедить атамана воздержаться от любимой им горчишной водки, пообещав, что вот-вот царь дарует атаману графское достоинство, поелику казак его заслужил, и Багратион о том слышал. Следует только потерпеть с водочкой. Платов прислушался, но, вернувшись в 1-ю армию, узнал, что титулом для него не пахнет. Обиделся и запил, причем в лежку. Оставшись без пригляда, казаки пошли в разнос, принявшись грабить всех подряд. Не только французов – тех бы ладно, но и русских. Прошлись неводом по деревням и селам. Результатом стали многочисленные жалобы помещиков и чиновников, в штабе Кутузова обеспокоились. Платова приводят в чувство, к Бородино атаман протрезвеет. Еще и отличится фланговым ударом, который французы успешно парируют, но встревоженный этим Наполеон не решится бросить в бой свою гвардию. Впрочем, так было в моем времени. Как выйдет здесь – хрен знает…

Пока есть время, расскажу о себе. Зовут меня Платон, фамилия – Руцкий, отчество – Сергеевич. 31 год, не женат и не был. Работал фельдшером скорой помощи в Могилеве. Несколько лет жил за границей, во Франции и в Германии, уверенно говорю по-французски и по-немецки. Увлекался войной 1812 года, дружил с реконструкторами, даже собирался влиться в их ряды. Не мог даже предположить, насколько пригодятся эти, казалось бы, бесполезные в моем времени знания. Осенью 2019 года выехал с экипажем на срочный вызов – ДТП на магистрали. Мы везли в больницу травмированную женщину, когда столкнулись со скотовозом. Перед тем, как врезаться головой в заднюю дверь, различил заполнивший пространство кареты странный радужный пузырь…

Очнулся уже здесь, в июле 1812 года, голый, как младенец, да еще с раной на голове. В ДТП я не пострадал – приласкал меня саблей вюртембергский гусар. Он же со товарищи меня ограбил, сняв даже носки. Про смартфон Самсунг (три штуки, ха-ха), деньги и прочее лучше не вспоминать. Подобрали меня, беспамятного, русские егеря, отступавшие от Салтановки. Командовал ими раненый в ногу штабс-капитан Спешнев. Я достал ему пулю из бедра, лечил; мы, можно сказать, подружились. Правда, не сразу. Поначалу Спешнев подозревал во мне шпиона. Разобрались… Ну, и начались наши приключения.

На пути к Смоленску помножили на ноль роту польских шеволежеров, взяв богатую добычу. Шеволежеры оказались не абы какими, а гвардией Наполеона. За каким чертом их принесло к имению графини Хрениной, куда вышли остатки нашей роты, неизвестно, но это стало последней ошибкой в их далеко не праведной жизни. План этого боя придумал я, что принесло мне уважение со стороны Спешнева и егерей, а также графини и ее дочери. Им я представился незаконным сыном князя Друцкого-Озерского, записанным в могилевские мещане. Бастарды дворян в этом времени – обычное дело (вспомните Пьера Безухова из «Войны и мира» Толстого), так что никто не удивился. Графиня даже пообещала отдать за меня дочь – при условии, что сумею выбиться в дворяне.

Я отнесся к этому скептически, а зря. Под Смоленском мы встретили Багратиона, который оказался знакомцем Хрениной. Она и Барклая де Толли, как выяснилось, знала. Ну так, вдова генерала… Похлопотала она за нас. В результате Багратион оставил нас при себе, пополнив людьми и пушками. Егерей посадили на коней. Получилась отдельная рота специального назначения – летучий отряд. Под Красным мы помогли Раевскому отбиться от Мюрата, под Смоленском дали прикурить моим обидчикам вюртембержцам. Затем под командованием генерала Паскевича вели бои на улицах города. В результате русская армия организованно оставила Смоленск, вывезя раненых и склады. За сии подвиги Спешнев стал командиром отдельного батальона конных егерей, майором и кавалером ордена Святой Анны третьего класса. Меня царь пожаловал чином подпоручика, перед этим возведя в потомственное Российской империи дворянское достоинство.

К слову, небывалый случай. Здесь, чтобы получить офицерский чин, непременно нужно послужить в армии – пусть даже фиктивно. Например, быть записанным ребенком в какой-нибудь полк. Помните Гринева из «Капитанской дочки» Пушкина? Но, видимо, императора впечатлил захват нами вражеской батареи, а также то, что рота последней вышла из Смоленска. Еще я познакомился с организатором российской военно-полевой хирургии Яковом Васильевичем Виллие, в прошлом шотландцем Джеймсом Уайли, рассказал ему об асептике и антисептике. Надеюсь, он внедрит их в практику – директору медицинского департамента военного министерства это проще.

Я ли тому причиной, или дело в другом, но с моим появлением события в этом мире стали меняться. Смоленское сражение здесь случилось на четыре дня позже и происходило иначе. Армия Багратиона, оставленная оборонять город, встретила «Grande Armee» на заранее подготовленных позициях и заставила

умыться кровью. Самим, впрочем, тоже досталось: Багратион потерял 12 тысяч человек и 23 пушки. Но зато русская армия отходила в полном порядке, не отбивая постоянные наскоки французов, как было в моем времени. Французы о нас словно забыли, и только на днях двинулись следом. Такое поведение противника, насколько знаю, преисполнило русских генералов желанием, не отходя далеко от Смоленска, дать бой. Но Кутузов эти настроения похерил. Умереть в сражении – это каждый дурак сможет, ты попробуй противника обмануть. Насчет этого светлейший князь дока: турок вон как провел. К тому же главнокомандующий понимает: чем дальше «Grande Armee» заберется в Россию, тем хуже для нее. Коммуникации у Наполеона и без того растянуты, а здесь не XX век – ни железных дорог, ни автомобилей. Все на лошадках, которые влекут повозки со скоростью пешехода. Так что Кутузов бракует позиции для генерального сражения одну за одной. Под Царевым Займищем, Дорогобужем, Вязьмой… К слову, справедливо. Позиции дрянные. Их вообще непросто выбрать. Нужно большое поле с прикрытыми флангами, а здесь местность лесистая или заросшая кустарником. Квартирмейстеры, а именно они в этом времени выбирают поле боя, загоняли лошадей. Все из-за отсутствия мозгов. Сейчас не 1941 год, нападение Наполеона не было внезапным – его ждали. Тот же Дрисский лагерь успели соорудить. Но творение немца Фуля оказалось глупостью, и его не стали оборонять. А вот заранее выбрать подходящие позиции не догадались. Более того, в штабах карт Смоленской губернии не оказалось, сейчас их спешно рисуют[5 - Именно так. Карты Смоленщины рисовали в спешке. Зато были карты иностранных государств.]. Бардак…

Так и до Бородино докатимся, история повторится. Одно радует: в этот раз встретим французов не на спешно подготовленной позиции, а на толком обустроенной. Соорудим редуты, флеши, ретраншементы и что-нибудь еще – не силен я в фортификации. И армия будет другой. Не усталая и оборванная, изнывающая от жажды и постоянных наскоков противника, как в моем времени, а сытая и уверенная в себе. Сражение под Смоленском убедило солдат и офицеров, что французов можно бить. 40 тысяч русских выстояли против 180 тысяч французов и отступили в полном порядке. Из Москвы навстречу тянутся обозы с припасами и снаряжением, идут маршевые роты рекрутов. 2-ю армию Багратиона уже пополнили до прежней численности. Разбить Наполеона, возможно, и не разобьем, но вломим от души. Вот тут и пригодятся пушки…

Чу! Кто-то скачет. Со стороны лесной дороги приближается топот копыт. Вскакиваю с расстеленной попоны, на которой валялся. Рюмин уже поднял егерей. На поляне за опушкой в считанные секунды выстраиваются шеренги. Блестят в лучах солнца начищенные штыки. Если это французы, встретим так,

что мало не покажется. Только зря тревожились. На поляну влетают бородатые всадники с пиками, одетые в синие мундиры и такие же шапки. Казаки…

– Нашли, господа! – выпаливает Чубарый, подлетев к нам. – Здесь неподалеку. Четыре шестифунтовки и около сотни прислуги.

– Немцы или французы? – интересуюсь.

– По мундирам не разобрать, – пожимает плечами хорунжий, – все в пыли. Нам без разницы.

Он щерится, показывая крупные, лошадиные зубы. На покрытом пылью лице они кажутся белыми, хотя на деле прокурены до желтизны. Любит казак трубочку.

– Николай Иванович! – смотрю на Рюмина. – Людей – на конь!

Штабс-капитан кивает и бежит к роте. Со стороны смотреть – полнейшее пренебрежение уставом и традициями: подпоручик командует старшим по чину. И ерунда, что по должности я выше – младший офицер при командире батальона. Чином и старшинством ниже? Значит, не моги. Однако командовать операцией Спешнев поручил мне. Почему? Семен искренне убежден, что мне сам черт ворожит, и некогда прибившийся к его роте фельдшер невероятно удачлив. Очень серьезный довод по нынешним временам – военные суеверны. Командиры рот не возражали: о наших с Семеном подвигах известно всей армии. Был только спор: чью роту выбрать? Батальоном идти нельзя: четыре сотни людей и коней провести в тыл неприятеля сложно, да и не нужно. Последнее объяснил я. Для наскока на крупную часть батальона все равно мало, а для партизанского рейда достаточно роты. Вот и встал вопрос: какую из них взять? Захват пушек – это гарантированный орден и повышение в чине. Командиры двух рот схлестнулись в споре: каждый хвалил своих егерей и себя любимого. Молчал только бывший фельдфебель, ныне прапорщик Синицын, принявший у Спешнева нашу бывшую роту. Робеет Антип Потапович в обществе благородий, не привык еще. Ничего, это временно. Да и мы с Семеном решили его егерей в рейд не брать. Во-первых, их мало вышло из Смоленска, половина роты – пополнение из рекрутов. Боевая ценность новобранцев сомнительна – пусть поучатся у ветеранов. Во-вторых, ни в одной роте армии нет стольких Георгиевских кавалеров. Знаки отличия военного ордена носят Синицын и все его унтер-офицеры, есть они и у рядовых егерей. А вот в ротах Рюмина и Голицына такого не наблюдается, хотя

сражались они на подступах к Смоленску и в самом городе геройски. Обычное дело: награждают тех, кто у начальства на виду. Мы с Семеном в этом отношении вне конкуренции: отдельная рота при командующем армией. Теперь уже батальон…

Спор офицеров разрешили жребием, и он выпал Рюмину.

– Не сердитесь, Михаил Сергеевич! – улыбнулся Спешнев огорченному Голицыну. – Будет и для вас дело. Сочтемся славою. Про вас и без того в песне поют.

Чистая правда. Это я запустил в оборот песню из моего мира о корнете Оболенском и поручике Голицыне. Но там они были вымышленными героями, здесь нашлись реальные. По крайней мере, Голицын. Чин и фамилия совпали? Конечно. Герой? А как же! Значит, песня про него. Сам слышал, проезжая мимо одного из бивуаков, как чей-то голос выводил: «Не падайте духом, поручик Голицын, корнет Оболенский, налейте вина…» Популярна в армии и переделанная мной егерская «Отшумели песни нашего полка». «Не обещайте деве юной любови вечной на земле» распевают во всех кавалерийских полках, в казачьих – «Только пуля казака во степи догонит». Я тут, похоже, Пахмутова и Добронравов в одном лице. Сарказм, если кто не понял…

Ведомая казаками рота втягивается на лесную дорогу. Подкованные копыта глухо месят пыль, звякает амуниция, скрипят ремни, фыркают лошади. Жужжат в воздухе слепни, атакуя потные лица. Шума производим немало, но он вязнет в приступивших к дороге елях. Время от времени пересекаем вырубки. Лес здесь спелый, места заселенные, вот и сводят потихоньку растительность мужички. Они и дорогу, по которой движемся, проложили – хрен бы иначе мы здесь пробрались. Путь разведали казаки, в таких рейдах они незаменимы.

Лес кончается, выбираемся на ржаное поле. Хлеба стоят нетронутыми – не добрались сюда французские фуражиры. Доберутся… На холме за полем – небольшая деревенька в дюжину дворов, дорога идет к ней. Колонна втягивается в селение и движется дальше. Крестьян не видно, даже детей, не бродят по улице куры и поросята. Жители ушли или спрятались. Пусть – нам они не нужны. На околице оборачиваюсь и смотрю назад. Ротные фурлейты[6 - Фурлейт – возчик в русской армии того времени.] и приданные им в помощь казаки исправно гонят табун расседланных коней. Зачем они нам? Узнаете.

За деревней пересекаем болотину. Она подсохла, но копыта коней чавкают по грязи. Интересно, пушки пройдут? Догоняю Чубарого и задаю этот вопрос.

– Не тревожьтесь, Платон Сергеевич! – успокаивает хорунжий. – Еще как пройдут. Больших дождей давно не было.

Ну, ну… Чубарый, кстати, по-русски говорит правильно, а при желании – и без характерных казачьих словечек. Но при случае изображает из себя полуграмотного сына Дона. Жох…

Болотина питает небольшой ручеек, текущий в топких берегах. По нынешним временам – сокровище. Столько воды! Пересекаем его, втягиваемся в лес, вернее – рощицу и останавливаемся. По совету хорунжего спешиваемся среди деревьев и идем к опушке.

– Вот тут они и пройдут, – Чубарый указывает плеткой на дорогу в отдалении. По ней тянутся войска, поднимая к небу столб пыли. М-да, много вас здесь…

– Не миновали ли часом?

– Не должны, Платон Сергеевич! – мотает головой казак. – Кони у них совсем заморенные, как и артиллеристы. Отпор, коли и дадут, то дохлый. Наскочим, поколем, порубим, заберем пушки – и обратно.

А другие французы будут на это спокойно смотреть? Судя по фигурам, мелькающим в пыльном облаке, войска по дороге тянутся сплошной массой. Разрывов между частями практически незаметно. Да я тут полроты положу, и это еще в лучшем случае. По местным обычаям, это нормально: разменять пять десятков солдат на четыре пушки. Но я из другого времени и так не могу. К тому же захват может провалиться. Случись на дороге кавалерийская часть – и нам амбец. Полный.

– Поступим иначе, – говорю Чубарому и подошедшим офицерам.

Они выслушивают меня с изумленными лицами, но не спорят: план им нравится.

– Теперь ясно, зачем мундир понадобился, – замечает Чубарый.

Еще в первое знакомство я попросил казака добыть мне мундир французского офицера – желательно, чином постарше. Обещал заплатить, но хорунжий отказался от денег, когда узнал, для чего. Назавтра притащил мундир, причем чистый, без крови. Я не стал спрашивать, где взял. Сыны Дона регулярно захватывают пленных. После допроса в штабе тех отправляют в тыл. Контроля за этим нет, так что возникают коллизии. Русские генералы хотят выглядеть европейцами: пленных кормят, дают им деньги, приказывают вернуть отобранные казаками личные вещи. Последним это не нравится, и они осуществляют повторную экспроприацию. Повезет, если французов оставят в живых. Остается надеяться, что неизвестный мне майор-француз уцелел. Ну, а если нет… Его сюда не звали.

* * *

Фон Бок был зол. Его раздражало все: жара, пыль, жажда, недостаток продовольствия для солдат и фуража для коней, но всего больше – необъятные просторы этой дикой страны и ее армия, которая, уклоняясь от сражения, убегала, заставляя французов и их союзников тащиться следом. Кони и люди изнемогли. На последней стоянке пришлось оставить ротные гаубицы[7 - В состав роты вестфальской артиллерии входили 4 шестифунтовые пушки и 2 гаубицы.] – лошади не могли их более тащить. Фон Бок наказал расчетам привести коней в порядок и догонять роту. Иллюзий, что это получится, не питал: артиллеристы не станут спешить. Мало кому в корпусе Вестфальского короля[8 - Созданное Наполеоном на германских землях Вестфальское королевство возглавлял его младший брат Жером.] нравилась эта война, в том числе самому монарху. После сражения под Салтановкой он получил выволочку от императора, обиделся и укатил в Кассель. А вот солдаты остались. И теперь, подчиняясь французскому маршалу, тащились вглубь русских земель. Фон Бок был уверен, что судьба их ждет печальная. Об этом буквально вопил его воинский опыт. После разгрома прусской армии фон Бок попал в плен, где и получил предложение пойти на службу Вестфальскому королю. Согласился. А что оставалось делать? Кому в Европе нужен нищий артиллерийский офицер? Единственное, что фон Бок умеет, так это воевать. В армии несладко, но кормят хорошо. Кроме России, конечно. Здесь приличной провизии не найдешь даже за большие деньги…

Занятый мыслями, фон Бок пропустил мимо ушей какой-то гам впереди. Кто-то там чего-то спрашивал по-французски. Этот язык фон Бок знал плохо, хотя приходилось учить – король у него француз. Командир роты остановил коня и

прислушался. Следом встала и рота. Затих топот копыт и сапог, визг от колес из-за несмазанных осей (жир для них артиллеристы давно съели), звяканье амуниции. Из пыльного облака впереди донесся требовательный голос. Кто-то хотел видеть командира артиллеристов. Фон Бок обреченно вздохнул: наверняка из штаба маршала Даву прислали посыльного с инспекцией. Роту и прежде подгоняли на марше. Сейчас посыльный разглядит, что они без гаубиц, выскажет командиру все, что о нем думает, и доложит в штаб. Будут неприятности…

Словно в подтверждение его слов, из пыльного облака вынырнул всадник на мышастой лошади. Чистый, почти не запылившийся мундир, загорелое лицо, опять-таки не припорошенное пылью, витой шнур на эполетах. Фон Бок только мысленно вздохнул, представив, каким пугалом выглядит он сам. И как у этих штабных получается оставаться чистенькими?

– Майор Жюль Верн из штаба императора, – сообщил всадник, подъехав ближе. – Представьтесь!

– Капитан фон Бок, – козырнул артиллерист и продолжил, подбирая французские слова: – Командир третьей роты батальона пешей артиллерии Вестфальского короля.

– Гессенец? – сощурился Верн.

– Пруссак, – буркнул фон Бок.

– Вижу, вам непросто говорить по-французски, – улыбнулся посыльный, переходя на немецкий. – Мы можем общаться на вашем языке. Вы меня понимаете?

– Вполне! – кивнул фон Бок. – Хотя выговор у вас странный.

– Главное – смысл, – улыбнулся француз. – У меня приказ императора: собирать на марше артиллерийские части и направлять их в распоряжение Главной квартиры. Следуйте за мной, герр капитан!

– Лошади и люди устали, – буркнул фон Бок, которому не понравилось распоряжение. – Мы изнываем от жажды и голода, поэтому не сможем

передвигаться быстро.

– Вижу, – не стал спорить посыльный. – Но у меня для вас хорошая новость, герр капитан. Вон там, – он указал рукой на лесок на пригорке, – вас ждет отдых и пища. И сколько угодно воды. Хватит, чтобы утолить жажду, напоить коней и умыться самим.

Он улыбнулся. Фон Бок насторожился. Что-то было не так. Получить такое щедрое предложение от француза? На протяжении этой войны они давали ясно понять, что вестфальцы не ровня им. Это выражалось в интендантском снабжении в последнюю очередь, снисходительных взглядах французских генералов. Хотя обычные офицеры относились к вестфальцам по-дружески. Могли даже руку унтер-офицеру протянуть, что для пруссака казалось немыслимым[9 - Реальный факт. Прусский унтер-офицер заплакал, когда французский офицер протянул ему руку. В прусской армии подобное было невозможно.]. Этот из таких?

Колебался фон Бок недолго. Посыльный говорил громко, и слово «вода» мигом разлетелось среди артиллеристов. В сторону леса теперь смотрели все, включая лошадей. «Ладно, – подумал капитан. – Для начала напоим людей и лошадей, а там посмотрим. Я могу затребовать и письменный приказ. У этого щеголя его наверняка нет…»

– Сворачиваем! – махнул рукой капитан.

Рота покинула дорогу, пересекла луг, на котором уже не осталось травы – съели лошади передовых частей, и втянулась в лесок. Вход в него преграждал густой кустарник, который, видимо, и не позволил другим частям отыскать здесь воду. Кавалеристы это непременно сделали бы. Но, судя по следам копыт, которые обрывались у опушки, они не догадались прорубить в кустарнике проход либо поленились. А вот для роты фон Бока его кто-то сделал, причем только что – листья на срубленных ветках еще не успели завянуть. Когда рота втянулась в рощу, проход позади них завалили, но капитан этого не видел. Он, как и его подчиненные, смотрели вперед. Вода! Скорей бы!

Француз не обманул: за лесом протекал ручей. Небольшой, но воды здесь было столько, что хватило бы на полк. Бросив упряжки, солдаты, не ожидая команды, рванулись к ручью. Падая на колени, погружали грязные лица в воду и пили,

пили, пили… Фон Бок только рукой махнул. Спрыгнув с лошади, он подошел к ручью выше по течению, нагнулся и зачерпнул воду ладонями. Сначала умылся, а затем стал пить. Утолив жажду, он осмотрелся, и увиденное ему не понравилось. Упряжки с пушками кто-то отогнал в сторону, а его артиллеристы жались у ручья, встревоженно глядя в сторону леса. Там, выстроившись в шеренгу, стояли солдаты в зеленых мундирах. Ружья в их руках были направлены на подчиненных капитана. Блестели на солнце начищенные штыки. В довершение картины на опушку выскочили с полсотни бородатых всадников с пиками в руках. Растянувшись фронтом, они опустили пики ниже лошадиных шей – как раз на уровне человеческой груди, и замерли в готовности. «Русские!» – понял фон Бок. Сейчас прозвучит команда, и эти жуткие «cosaque» ринутся на вестфальцев. Некоторые из его подчиненных уже обнажили тесаки, лейтенант достал пистолет, но это безнадежно. Кавалерия их сомнет, а русские солдаты довершат дело штыками.

Несмотря на жару, спина фон Бока покрылась холодным потом. Ловушка! Он завертел головой в поисках заведшего их сюда француза и увидел его. На том же мышастом мерине тот подъехал ближе и улыбнулся.

– Предатель! – прошипел фон Бок.

– Ошибаетесь, герр капитан! – ответил француз. – Позвольте представиться: подпоручик отдельного батальона при командующем 2-й армией России Руцкий. Моему императору, – он выделил интонацией слово «моему», – нужны ваши пушки, и я их заберу. А это, – он ткнул пальцем в мундир, – маскировка, военная хитрость. Прикажите своим солдатам и офицерам сложить оружие и не сопротивляться.

– А если откажусь? – буркнул фон Бок.

– Тогда мы вас убьем, – пожал плечами Руцкий. – Мои казаки, – он указал на всадников у опушки, – предлагали сделать это сразу. Но я не хочу убивать прусских офицеров и солдат. Наши страны воевали против Бонапарта, а после того, как мы выгоним его армию, вновь станут союзниками. Возрожденной Пруссии понадобятся офицеры и солдаты, – подпоручик произнес это громко, чтобы слышали все. – Всем сдавшимся гарантирую жизнь. Мы снабдим вас провизией и оставим здесь. Кроме вас, герр капитан. Вы проследуете с нами в штаб русской армии. Ваше решение?

Фон Бок вздохнул и, достав из перевязи шпагу, протянул ее русскому.

– Мюллер! – крикнул он лейтенанту. Тот происходил из простолюдинов, поэтому капитан не церемонился. – Опусти пистолет! Всем сложить оружие и не сопротивляться.

Артиллеристы подчинились. Некоторые, бросая тесаки, ворчали, но больше для виду. Даже самым храбрым было ясно, что казакам они на один зуб. А еще пехота… Разоружившись, артиллеристы отходили в сторону, куда им указал Руцкий, там спешившиеся казаки споро освобождали немцев от излишнего имущества, складывая его в мешки. Другие выдавали каждому по паре сухарей и отправляли обратно к ручью. Спустя короткое время артиллеристы, сидя на берегу, грызли сухари, запивая их водой из ручья. Выглядели они при этом не слишком огорченными. В конце концов, переодетый русский сдержал слово. Напоил, накормил и даже не стал угонять в плен. Они вернутся к своим, где их, конечно, отругают, но наказывать не станут: они всего лишь выполнили приказ командира. А там, глядишь, и домой отправят. Кому они нужны без пушек?

Фон Бока отвели к опушке, где усадили на расстеленную попону. Подскочивший солдат в сером мундире принес ему ломоть хлеба и приличный шмат сала, которое капитан порезал оставленным ему ножом. Тот же солдат набулькал в жестяной стакан прозрачной жидкости из манерки, и фон Бок, поднеся его ко рту, уловил запах водки. Отказываться он, конечно, не стал. Выпил и стал энергично жевать. Военная жизнь научила: есть нужно, когда есть возможность, позже может не получиться. Насыщаясь, капитан наблюдал за происходящим у ручья. Русские выпрягли из передков их уставших лошадей, напоили их и подвесили каждой на морду мешок с овсом. Взамен запрягли других из подогнанного табуна. Их лошадки выглядели мелкими, но фон Бок знал, что те весьма выносливы, и пушки потянут споро. Тем временем отдохнут трофейные кони, после чего упряжки сменят. Скрепя сердце, капитан признал: русские действуют на редкость умело. Без единого выстрела и потерь захватили нужные им пушки, теперь благополучно доставят их в свою армию, где получат заслуженную награду. Если у них все такие, то у Наполеона нет шансов.

– Перекусили? – спросил подошедший к нему Руцкий. Он уже снял французский мундир и сейчас красовался в зеленом, в котором нисколько не походил на посыльного из штаба Бонапарта, которого фон Бок видел на дороге. И куда девались надменность и апломб?

– Да, – ответил капитан, вставая.

– Тогда едем, – сказал русский. – Вам дадут другого коня – ваш устал.

Он повернулся.

– Герр подпоручик! – окликнул его фон Бок.

– Что? – повернулся русский.

– Это правда, что Россия и Пруссия будут сражаться против Наполеона?

– Не сомневайтесь! – кивнул Руцкий.

– Я смогу поступить на службу в русскую армию?

– Не мне решать, – улыбнулся подпоручик. – Но вы сможете высказать эту просьбу в штабе армии. Не хотите в плен?

– Я уже там был, – буркнул капитан. – Ничего хорошего…

2

Начальству не угодишь. Багратион выслушал наш доклад об операции хмуро. Побеседовал с моей помощью с пленным немцем (не силен Петр Иванович в языках), приказал того увести, а затем прошелся по избе, где разместился штаб армии, заложив за спину руки. Затем встал против меня.

– С чего вам взбрело в голову, подпоручик, выдать себя за француза?

– Военная хитрость. Она помогла захватить пушки без единого выстрела, мы не понесли потерь.

– Облачиться в мундир врага русскому офицеру – позор! – буркнул князь. – У светлейшего могут не понять. Как прикажете писать реляцию? Вот что, майор, – он посмотрел на Спешнева. – Изложим это иначе. Пушки вы захватили с бою, наскочив на дороге на отставшую роту. Ошеломленный неприятель не оказал должного сопротивления. Побив, а частью разогнав супостатов, вы забрали орудия и пленного капитана, коих и доставили в армию. Это даст мне возможность хлопотать о наградах. Рюмину и Чубарому – ордена Святой Анны третьего класса. Казакам и егерям – Георгиевские кресты, три на полусотню и пять на роту. Озаботьтесь вручить знаки военного ордена перед строем батальона у развернутого знамени. Вас, майор, я попрошу наградить деньгами, что впишут в формуляр. Руцкому – выговор.

– За что, ваше сиятельство? – обиделся я.

– За то, что оставил Бонапарту артиллеристов. Их вернут в строй, и они будут стрелять по нашим войскам.

– Мы забрали у них пушки.

– Будут сменным составом – заменять убитых.

М-да, не подумал.

– Мы не могли привести их с собой, – попытался оправдаться я, – замедляли передвижение. Лошадей для них не было. Мы и так спешили, заваливая за собой дорогу срубленными деревьями. Французы могли выслать следом кавалерию.

– Разве я говорил о пленных? – поднял бровь Багратион. – Они враги, пришедшие с оружием на русскую землю. Вот пусть в ней и остаются.

Гм! Следовало послушать Чубарого: он предлагал пленных вырезать. Сминдальничал – не поднялась рука. Прав Багратион. Я вздохнул.

– Ваше сиятельство! – подал голос Семен. – Благодаря находчивости и предприимчивости подпоручика Руцкого батальон получил четыре орудия с зарядными ящиками, не понеся при этом потерь. Он доставил в штаб армии пленного офицера неприятеля. За любой из этих подвигов причитается награда.

Вы же хотите подпоручика наказать. В армии такого не поймут.

А Семен-то молодец! Еще недавно боялся генералу на глаза показаться, а сейчас – гляди, спорит. Вот что новый чин и орден делают.

– Та-ак! – Багратион качнулся на каблуках, и ноздри его огромного носа затрепетали. – Дерзить командующему? Распустились вы в своем батальоне. А все он! – генерал ткнул в меня пальцем. – Набрался вольнодумства у французов и других учит. Мне тут докладывают… Позволяет себе командовать старшими чином, а вы, майор, закрываете на это глаза. Я научу вас субординации! – Багратион потряс сжатым кулаком. – Под арест вас, что ли, посадить? Обоих, – добавил задумчиво.

Мы с Семеном изобразили на лицах готовность отправиться в сарай, который здесь служит гауптвахтой. А что? Это не в моем времени. Режим нестрогий, арестованных офицеров дозволяется посещать, приносить им передачи. В роли таковых обычно выступают стеклянные емкости с веселящими напитками и закуски. О том всей армии известно. Арестантов в России жалеют, и каждый из товарищей офицеров, посаженных в сарай, считает своим долгом скрасить им заточение.

Багратион, разумеется, об этом знает, потому, сердито посмотрев на наши рожи, только покачал головой.

– Ничем вас не проймешь! Ладно. Наказывать Руцкого не буду, но и награждать тоже. Не за что. Он лишь исправил свой проступок. Не следовало бросать пушки в Смоленске. Знаю, что хотите сказать, майор, – предостерегающе поднял он руку. – Орудия были неподходящих калибров, но даже такими дрянными вы наносили неприятелю существенный урон. Значит, лишними не оказались бы. Сейчас каждое ружье в цене: рекруты приходят из Москвы с фитильными самопалами, а то и вовсе с пиками. При таких обстоятельствах строго спрашивают за любую потерю. Руцкому следует быть благодарным, что в реляции о его подвигах, отправленной в Санкт-Петербург, я умолчал об утрате пушек. В списках по армии они не числились. Так что свои награды подпоручик получил. Ясно?

– Так точно! – выпалили мы хором.

– Поговорите с этим немцем, – продолжил командующий. – Убедите его рассказать в штабе светлейшего нужную нам историю. Верните ему шпагу, пообещайте, что к его просьбе поступить на службу в русскую армию отнесутся со вниманием. Скорей всего, так и будет. Немцев у светлейшего полно. Одним больше…

Багратион сердито засопел. Не любит князь немцев. С Барклаем враждовал и перенес это отношение на других. Хотя сам грузин, а начальником штаба у него француз.

– Свободны! – махнул рукой командующий. Мы отдали честь, повернулись и вышли из избы.

– Попали под горячую руку, – сказал Семен снаружи.

Я только плечами пожал. Не наша вина, что у Багратиона плохое настроение. С тех пор, как главнокомандующим назначили Кутузова, оно такое у князя перманентно.

– Хотел выхлопотать тебе орден, – продолжил Спешнев. – Ты его заслужил.

– Будет тебе! – махнул я рукой. – Главное, живы и здоровы, пушками разжились. В конце концов, командующий прав: я только вернул то, что потерял в Смоленске. Зато Рюмину и Чубарому ордена достанутся, егерей и казаков наградят. Сочтемся славою…

– Ведь мы свои же люди. Пускай нам общим памятником будет бегущий из России Бонапарт, – продолжил Семен. Мы рассмеялись, вызвав тем самым удивленные взгляды штабных.

Фон Бок, которому вернули шпагу, просьбу воспринял с пониманием. Тертый калач – не один год воюет и знает, как в армии добывают награды. Соглашение мы закрепили за богато накрытым столом, где имелись вино и водка, ветчина и даже жареные куры. Синицын по старой памяти расстарался. Став командиром роты, он не снял с себя обязанностей по обеспечению теперь уже батальона хлебом насущным. В его распоряжении и общая казна. Это предложил Семен, и офицерское собрание утвердило. Синицину подчинили ротных каптенармусов, и он гоняет их как сидоровых коз. Золотой человек!

Праздновали успех операции офицерским составом батальона. Рюмин и Чубарый выглядели именинниками. Их можно понять: столько служили – и никаких наград. Не успели перейти в батальон – и представлены к орденам. Расстроенного Голицына Семен успокоил обещанием, что следующее дело – его. Лучился радостью штабс-капитан Зыков, получивший под начало дополнительно четыре пушки с зарядными ящиками и упряжками. Теперь он командир усиленной артиллерийской роты и может претендовать на повышение в чине. Довольно улыбался бывший отставной фейерверкер Ефим Кухарев, который прибился к нам в имении графини Хрениной и славно повоевал со своими пушками под Смоленском и в городе. Как и Синицын, Ефим произведен в прапорщики и теперь поставлен командовать четырьмя орудиями.

– Никогда не мыслил о таком, ваше благородие, – сказал он мне после производства в офицеры. – Я же из крепостных. Барин меня мальцом из деревни забрал, повелев обучить грамоте и арифметике – заметил, что смышленый. Помощником к управляющему определил. А мы с тем девку не поделили, разодрались, и я этого немца побил. Барин осерчал и отдал меня в солдаты. Там меня, как грамотного и умеющего считать, в артиллеристы записали. Воевал крепко. Покойный граф Хренин меня отличал и после ранения забрал к себе в имение. Там я жил в довольстве, но, считай, как дворовый. А тут дворянин, ваше благородие[10 - До 1835 года даже самый низший офицерский чин давал его обладателю право на потомственное дворянство.]. Любой купец обязан кланяться. А все благодаря вам, княжич!

Он попытался поцеловать мне руку.

– Прекрати, Ефим Игнатьевич! – отдернул я ее. – Мы с тобой теперь дворяне, и, следовательно, ровня. Сам недавно в мещанах числился. Лучше скажи, что делать станешь, как война кончится? После нее тебя из армии непременно попросят – с твоей-то ногой. Это сейчас всех в строй ставят, включая калек и инвалидов[11 - Реальный факт. Огромная нехватка командиров в русской армии в 1812 году заставила призвать под знамена всех отставных офицеров, включая престарелых и калек. Инвалидами в то время называли ветеранов. То, что прапорщик командует ротой, не было чем-то исключительным. Случалось, и фельдфебель.].

– Не решил еще, – ответил Ефим. – Воротиться к графине? Она-то примет, но как с ней держаться? Как прежде, не хочу, а за стол с собой она меня не посадит,

поскольку из крепостных. Строга матушка насчет этого. Не ровня я ей – короче, ни то, ни се.

– Сколько лет служишь? – спросил я.

– Двадцать шестой год.

– Формуляр сохранился?

– А как же? – удивился Ефим. – Они все в Петербурге при военном министерстве.

– Значит, имеешь право на инвалидное содержание[12 - Так называлась в то время пенсия для офицеров, выслуживших 20 лет. Составляла треть от оклада.]. Можешь на него жить – пусть скромно, но безбедно. А еще лучше жениться на богатой купчихе и зажить в довольстве.

– Кто за меня пойдет? – махнул рукой Ефим. – Старого и колченогого?

– Еще как пойдут! – усмехнулся я. – Отставной офицер, дворянин, герой войны. У купца есть деньги, он может купить и продать землю[13 - Такое право было предоставлено всем свободным сословиям России в 1803 году. Ранее землей могли владеть только дворяне.], но права владеть крестьянами у него нет – это привилегия дворян. Соответственно, помещиком стать не может. А вот ты – да. Значит, и он при тебе. Если будут дети, они твое дворянство и поместье унаследуют. Да купцы с дочками в очередь встанут! Еще выбирать будешь. Дворяне с ними родниться не спешат, а тебе, как понимаю, без разницы?

– Так, – кивнул Ефим. – Хотя девка не годится – не справлюсь с молодой. Хвостом крутить станет, мужу изменять. Вдову, разве что, какую сыскать?

– Там и выберешь, – кивнул я.

После пирушки фон Бок отвел меня в сторону.

– Какое жалованье у русского капитана? – спросил, понизив голос.

– У пехотного – 200 рублей в год, – ответил я. – У артиллеристов оно выше, но точно не скажу. Есть еще столовые и квартирные деньги. Бедствовать не будете.

– Благодарю! – он пожал мне руку. – Можете на меня рассчитывать. Поднесу вашим начальникам историю, как следует. Ваше участие выделю особо.

– Меня не надо, – попросил я и пояснил в ответ на его удивленный взгляд: – Я и без того осыпан милостями. Недавно пожалован в дворяне и получил офицерский чин.

– Позвольте? – удивился он. – Слышал, что вы сын князя.

– Бастард.

– Понятно, – кивнул он.

– Держите! – я сунул ему несколько ассигнаций, которые фон Бок принял без колебаний. – Только спрячьте подальше. Если вас отправят в плен, могут отобрать те же казаки. Вам эти деньги помогут пережить невзгоды. А там… Мы еще войдем вместе в Париж.

– Удивительные вы люди, русские! – покачал головой фон Бок. – Такое отношение к врагу… Мне еще больше захотелось служить вашему императору.

– Учите русский язык, Герхард! – посоветовал я. – Без него не сможете командовать. Для начала попросите помощника из немцев – в армии их хватает, но дальше – сами. Иначе откажут.

– Благодарю, князь! – поклонился капитан. – Не смею надеяться на вашу дружбу, но хочу уверить: фон Бок добро помнит. Можете на меня рассчитывать.

На том и расстались. Семен дал немцу сопровождение из казаков, и они ускакали в штаб Кутузова. А мы занялись текущими делами. Войну никто не отменял.

* * *

– Слушаю, – сказал Даву вошедшему в его кабинет Маре. Вставать из-за стола он не стал, а посетителю в ответ на его приветствие ответил легким кивком. – Какие новости?

– Удалось установить, каким образом армия Вестфальского короля утратила четыре пушки.

– Корпус, всего лишь корпус, полковник, – сморщился Даву. – Они могут называть себя как угодно, но мы-то знаем, что представляет собой войско Вестфальского короля. Сброд, набранный из гессенцев и пленных пруссаков. Маршировать их еще кое-как научили, а вот воевать – нет. Зато каждый третий из них – гвардеец. Не удивительно, что они потеряли пушки. Как это произошло?

– Рота капитана фон Бока находилась на марше, когда к ней подскакал офицер, который представился майором штаба императора Верном.

– Не припомню такого.

– Его не существует. В штабе императора нет офицера с таким именем. Но фон Бок этого не знал.

– Далее! – потребовал Даву.

– Мнимый Верн сообщил капитану, что император собирает артиллерию армии под свое начало и потребовал следовать за ним.

– Капитан не потребовал письменный приказ?

– Нет, ваша светлость!

– Вестфальцы… – буркнул маршал. – Продолжайте!

– Еще фальшивый майор пообещал капитану провизию и сколько угодно воды, которые якобы ждут их в ближнем лесу. Думаю, это и побудило вестфальцев подчиниться приказу. Войска на марше изнывают от жажды…

– Знаю! – перебил Даву. – Позвольте, догадаюсь. В лесу ждала засада.

– Именно так, ваша светлость! – поклонился Даву.

– На дороге не расслышали выстрелов?

– Их не было.

– Вот как? Артиллеристов перебили холодным оружием?

– Их не стали убивать. Мнимый Верн сдержал слово и отвел вестфальцев к ручью. Пока те пили, их окружили русские егеря и казаки. Со слов артиллеристов, их было много: не менее роты пехотинцев и сотни всадников. А у артиллеристов всего лишь тесаки. Им предложили сложить оружие, и они подчинились. Приказ сдаться отдал капитан.

– Его имя?

– Фон Бок.

– Пруссак, – процедил маршал. – Подготовьте распоряжение о предании его военному суду.

– Невозможно, ваша светлость. Русские увели капитана с собой, бросив прочих. Они их, к слову, даже накормили. Видимо, оттого бездельники не торопились сообщить о происшедшем. В противном случае у нас был бы шанс догнать русских. Пока новость дошла до штаба корпуса… Высланный по следам русских гусарский полк безнадежно опоздал, к тому же наткнулся на заваленную деревьями дорогу. Пил и топоров у вестфальцев не оказалось, а обойти преграду не получилось – лес слишком густой. Русские умеют выбирать места для баррикад.

– Азиаты… – Даву покачал головой. – Хотел бы я знать имя офицера, организовавшего эту операцию.

– Вы его знаете, ваша светлость. Это он!

– Посланец? – поднял бровь маршал.

– Именно. Капитану он представился подпоручиком Руцким. Это слышали другие артиллеристы.

– Это мог быть другой человек.

– Нет, ваша светлость. Совпадает все. Я расспросил вестфальцев. Чуть выше среднего роста, стройного телосложения, на вид лет 25–26, свободно говорит по-французски и по-немецки. И, наконец, фамилия. Сомневаюсь, что в русской армии найдется второй такой офицер. Об этом говорит также дерзость замысла и четкость его исполнения. Для того чтобы действовать так, нужно знать ситуацию во французской армии. Я сомневаюсь, что русские о ней осведомлены. А вот человек из будущего – наверняка. Ему известно все: погода в это время года, состояние дорог, наличие источников провизии и воды. Он, как бывалый охотник, устроил засаду у водопоя, будучи уверенным, что олени к ней непременно придут.

– Соглашусь, Маре, – кивнул маршал. – Особенно насчет оленей. Не зря я вернул вас из конно-егерского полка. В роли начальника разведки вы полезнее. Что нам делать с посланцем? У вас есть возможность подобраться к нему?

– Увы! – развел руками полковник. – Он в порядках русской армии. Потребуется дивизия или даже корпус, но даже в этом случае результат не очевиден. Остается уповать на генеральное сражение. Разбив русских, доберемся и до посланца.

– Но пока русские убегают. Император недоволен: он не может понять замысла Кутузова. После сражения под Смоленском (будем откровенны: неудачного для нас, поскольку русские организованно отступили, вывезя свои магазины[14 - Магазинами в то время назывались склады.] и даже раненых) они снова бегут. Куда, зачем?

– Я могу ответить на этот вопрос, ваша светлость.

– Слушаю, – маршал с интересом посмотрел на полковника.

– Они ищут позицию для генерального сражения, – сказал Маре.

– Откуда сведения? – насторожился Даву.

– Сегодня в расположение наших аванпостов вышел мой агент Дыбовский. Если помните, это он принес план русских позиций под Смоленском.

– Помню, – кивнул маршал. – План оказался точен. Правда, это не слишком помогло, – он вздохнул. – Русские защищали их яростно. Продолжайте.

– Как и в тот раз, Дыбовский выдал себя за маркитанта. Тем более, что в этой роли русские его помнили. Поляк ездил по частям, предлагая товары и слушая разговоры. Русские офицеры много болтают. С их слов стало ясно: в штабе Кутузова заняты поиском подходящей позиции для сражения. И они ее, вроде, нашли.

– Где?

– Дыбовский запомнил название селения – Семеновское. Но таковых в этих местах не одно. Однако из слов русских следует, что означенная позиция расположена где-то в 30 лье от Москвы.

– Рискованно, – оценил Даву. – Если мы разобьем Кутузова, а сомнений в этом нет, Москва сама упадет нам в руки. Вы уверены в точности сведений?

– Дыбовский еще ни разу не подводил.

– Что ж, порадую императора, – сказал маршал. – Считайте, что искупили свою вину, Маре. Что до посланца….

– Он не представляет серьезной опасности, – поспешил полковник. – Да, захватил у нас четыре пушки, но у императора их сотни. Незначительный чин Руцкого и тот факт, что он сам участвует в боях, говорит о том, что ни русский царь, ни Кутузов с Багратионом не знают о его миссии. Полагаю, Руцкий не решился о ней рассказать, понимая, что ему не поверят. Его операции против нас – булавочные уколы. Неприятно, но ничего фатального.

– Соглашусь, – кивнул Даву. – Факты говорят об этом. Но все равно не выпускайте его из виду. Этот человек много знает, и я желал бы побеседовать с ним. Постарайтесь при возможности захватить его в плен.

– Приложу все силы! – заверил Маре.

– Идите! – отпустил полковника маршал и вызвал дежурного адъютанта, приказав тому подготовить лошадь и сопровождение. Следует обрадовать императора: русские все же решились…

* * *

Бах!

Холостой выстрел из пистолета приводит в движение солдат на поляне. Пали на траву «раненые» егеря, к ним кинулись санитары. Здесь их зовут иначе, но мне привычней по-своему. Склонившись над «ранеными», санитары споро бинтуют им руки, ноги или грудь извлеченными из сумок полосами полотна. Где, что и кому бинтовать, отмечено белой ленточкой. Не совсем умело справляются, но сойдет. Подлетают санитарные повозки. По штату их в армии иметь не положено – пожалело военное министерство денег, но у нас есть. Как и собственная санитарно-эвакуационная служба, коей командует подпоручик Руцкий. Почему я? Батальону по штату положен лекарь, но его не прислали. В лекарях нехватка, как и в офицерах. Свежепроизведенный в прапорщики Синицын начальствует ротой, хотя по штату это должность капитана, которому помогают субалтерн-офицеры. Только нет у нас субалтернов – ни у Рюмина, ни у Голицына, ни у Синицына. Имелись, но ранены или погибли. Голицын сам числился в субалтернах, но заменил убитого командира роты и остался в его должности. И такое положение во всей армии. Представляю, что будет после генерального сражения…

Санитары закончили бинтовать, и сейчас грузят «раненых» на повозки. Не за руки-ноги, а на носилках. Специально сделали по моему указанию. Ничего хитрого: две жерди и кусок палаточного брезента между ними. При перевозке много места не занимают, а на поле боя как найдешь. Раненых на них класть просто – достаточно перетащить на разложенные рядом, поднять и погрузить. Нести удобно. Так, погрузили. Возчики шлепнули вожжами по крупам коней…

– Стой! – кричу. Повозки замирают. – Все ко мне!

Солдаты собираются и под моим строгим взглядом выстраиваются в шеренгу. В санитары мы со Спешневым определили вчерашних рекрутов из пополнения, толком не обученных стрелять и колоть. Выбирали тех, кто покрепче и ловчее. Для того чтобы носить раненых, нужна сила, повязку наложить – ловкость. Испытания, устроенные мной, прошли не все, но отобранные стараются. Служить санитарами им нравится – это не с ружьем в атаку ходить. Жалованье, как у нестроевых, то есть меньше, но зато нет муштры и не придется идти под пули. Ну, это им так кажется.

– Медленно, – говорю командующему отрядом унтер-офицеру. – Не забывайте, что действуете на поле боя. Заметит неприятель повозки – бахнет из пушек. Их вообще следует ставить где-нибудь в лощинке или за кустами. Нести раненых дальше, но зато безопасней. Уяснили?

– Так точно, ваше благородие! – рявкают нестройно. Новобранцы, что с них взять?

– Повторим. С перевязанных снять бинты, скатать в рулоны и сложить в сумки. Не забудьте после учений прокипятить и высушить. На исходную!

Отхожу к кустам. Пахом, тот самый фурлейт, что некогда подобрал меня голым на дороге, а ныне мой официальный денщик, протягивает заряженный пистолет. Беру и взвожу курок. Так, вроде готовы. Будущие «раненые» замерли посреди поляны, санитары выглядывают из-за кустов. Поднимаю вверх заряженную «шкатулку»[15 - ГГ использует трофейный, так называемый «шкатулочный» пистолет французского производства.]. Бах! Поехали…

Это еще что? В разгар действа на поляну влетают трое всадников. Коричневые мундиры, ментики за плечами, расшитые доломаны, кивера с султанами. Гусары… Рысят ко мне. Кого это принесло? Подскакали, передний всадник ловко спрыгивает на траву и идет навстречу. Невысокий, с круглым лицом. Пышные бакенбарды и небольшие усики делают его похожим на кота. Золотой горжет на груди.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! – бросаю ладонь к киверу.

– Здравствуйте, подпоручик! – улыбается. – Вы Руцкий?

– Так точно!

– Командир батальона ахтырских гусар подполковник Давыдов Денис Васильевич.

– Тот самый? – выпаливаю невольно.

Он смотрит удивленно.

– Знаменитый гусар-пиит, – объясняю торопливо.

– Не знаю, насколько знаменитый, – улыбается Давыдов, но видно, что польщен. – Слыхали обо мне?

– Кто ж не слышал? – отвечаю и начинаю декламировать:

– Бурцев, ёра, забияка,

Собутыльник дорогой!

Ради бога и… арака

Посети домишко мой!..

– И это знаете? – удивляется Давыдов. – Польстили. Не знал, что мои стихи так известны. Давно хотел познакомиться с пиитом, чьи песни распевают в армии. Прибыл к вам в батальон и узнал, что вы, вдобавок, отважный офицер, который ходил в тыл неприятеля и притащил отбитые у него пушки. Хотел по этому поводу поговорить. Не возражаете?

– Никак нет, ваше высокоблагородие!

– Оставьте чины, поручик! – машет он рукой. – Как вас по имени-отчеству?

– Платон Сергеевич.

– Я, как вы слышали, Денис Васильевич. А это, – указал Давыдов на спешившихся за его спиной спутников, – мои боевые товарищи: штабс-ротмистр Николай Григорьевич Бедряга и поручик Дмитрий Алексеевич Бекетов. Прошу любить и жаловать.

Обмениваюсь рукопожатиями с подошедшими офицерами. Смотрят на меня с интересом.

– Позвольте полюбопытствовать, – спрашивает Бедряга, – чем вы тут занимаетесь? Нам сказали про учения, но я не вижу у солдат оружия.

– Это по лекарской части. Отрабатываем навыки перевязки раненых и их эвакуацию с поля битвы.

– Вот как? – Бедряга удивлен. – Почему вы, а не лекарь?

– Во-первых, у нас его нет. Во-вторых, я лекарь по образованию и опыту службы. Строевым офицером стал недавно. Война заставила.

– Интересный вы человек, Платон Сергеевич! – качает головой Давыдов. – Не представляете, как разожгли мое любопытство. Где мы сможем побеседовать?

– Предлагаю проехать в штаб батальона. Здесь закончат без меня.

Делаю знак унтер-офицеру, который маячит в стороне, наблюдая за начальством. Тот кивает и убегает к санитарам. Пахом подводит ко мне Мыша. Забираюсь в седло, с завистью наблюдая, как легко и изящно делают это гусары. Куда мне до них! Поскакали…

Давыдов прибыл не с пустыми руками: привез полдюжины шампанского. Гусар! И где только раздобыл? Денщики соорудили закусок – и поехало. Пили из кружек – бокалами мы не обзавелись. Тосты за здоровье государя, процветание Отчизны, погибель неприятеля… Я глотал шипучую кислятину без всякого удовольствия, а вот Спешнев и офицеры батальона выглядели довольными. Гусары прибыли засвидетельствовать им свое почтение, да еще с шампанским. Кавалеристы к пехоте относятся снисходительно, а тут на тебе! И всему причиной некий подпоручик Руцкий. Мне пришлось изложить свою легенду,

которую гусары выслушали с широко открытыми глазами.

– То-то смотрю, песни у вас необычные, – заключил Давыдов. – Слова русские, но складываете вы их иначе, да и сам строй стиха не такой, как принято. Теперь ясно: за границей росли. У вас даже выговор другой. Спойте, Платон Сергеевич!

– Стесняюсь, Денис Васильевич, – попытался отговориться я. – Это вы пиит. А я – так…

– Не соглашусь, – мотнул головой гусар. – Замечательные у вас песни! Легкие, напевные. Правда, господа?

Господа дружно подтвердили. Их можно понять: на фоне современной русской поэзии мои тексты высятся как монументы. Ну, так гении писали, я же все это бессовестно украл. Не корысти ради, а собственного спасения для, а также интеграции в местное общество, что, впрочем, не отменяет сам факт воровства. Стыдно…

Разумеется, меня уговорили, разумеется, я спел. Давыдов, послушав, распалился, забрал у меня гитару и запел сам. Ну, что сказать? Стихи у него дубовые, и гитарой гусар владеет не в пример хуже. Но нашим понравилось. Мы к тому времени прикончили шампанское и перешли к водке… Я вместе со всеми кричал «Браво!» и аплодировал. Зачем обижать хорошего человека, настоящего героя и поэта? Хай ему щастыть, как говорят на Украине.

После песен, наконец, перешли к делу. Давыдов подробно расспросил меня о рейде во французский тыл, Рюмин и Чубарый дополнили мой рассказ подробностями, посчитав, что подпоручик скромничает.

– Лихо! – оценил Давыдов. – Я бы не додумался переодеться французом.

Я – тоже, но за мной послезнание. Тот же Фигнер[16 - Александр Самойлович Фигнер, командир партизанского отряда в 1812 году. Отличался редкой дерзостью и бесшабашностью в своих вылазках.] надевал французский мундир и неоднократно посещал захваченную Наполеоном Москву, где добывал сведения для Кутузова. И никто его не разоблачил.

– Я надумал создать летучий отряд и наносить неприятелю вред на коммуникациях в его тылу, – продолжил Давыдов. – Обратился с прошением к князю Багратиону, тот поддержал. Но людей не дает, – подполковник вздохнул. – Всего лишь сотню казаков и полсотни гусар. А что с ними сделаешь?

– Калмыков попросите, – влез я. – На верблюдах.

– Шутите? – удивился Давыдов.

– Нисколько, – пожал я плечами. – Калмыки – отменные воины. Под ваше начало пойдут с охотой – любят воевать.

– Но почему на верблюдах?

– Лошади их боятся. Вражеская кавалерия при атаке верблюдов разбежится.

– Откуда вы это знаете? – изумился Давыдов.

М-да, прокололся. Нельзя мне пить. Офицеры за столом с удивлением смотрели на меня.

– Платон Сергеевич – ученый человек, – пришел на выручку Спешнев. – В университете обучался, много знает.

– Про калмыков читал, – стал выкручиваться я. – А насчет верблюдов слышал от французов, побывавших с Наполеоном в Египте. Они рассказывали.

– Подумаю, – кивнул Давыдов.

– И еще, Денис Васильевич, рекомендую вам отрастить бороду, – расхрабрился я.

– Для чего? – удивился гусар.

– Вы будете заходить в русские села. Крестьяне не разбираются в мундирах и примут вас за французов. Они злы на неприятельских фуражиров и могут наброситься с вилами. С бородой сочтут своим, поскольку французы лица бреют.

– Интересный вы человек, Платон Сергеевич, – улыбнулся Давыдов. – Необыкновенно умны. С удовольствием взял бы вас в отряд.

– Не отдам! – набычился Спешнев. – И не просите!

– Не буду, – кивнул гусар. – Понимаю вас, майор. Я бы с таким офицером ни за что не расстался. Не будем ссориться, господа, за одну Отчизну воюем. Скажу больше: не сегодня-завтра нам предстоит генеральное сражение.

– Нашли позицию? – оживился Семен.

– Да. И знаете, где? У села Бородино, где я провел отроческие годы[17 - Реальный факт: Денис Давыдов провел отрочество в Бородино. Часть этого села принадлежала его отцу.]. Каждый кустик там знаю. Даже в страшном сне не мог представить, что возле родительского дома будут греметь пушки и умирать солдаты. А ведь это в ста с четвертью верстах от Москвы. Вот куда добежали! Такие дела, господа! – он встал. Следом поднялись все. – Нам пора. Благодарю за компанию и приятный вечер. Счастлив был познакомиться. Даст бог, свидимся.

Мы вышли провожать гостей. Обменявшись с ними рукопожатиями, смотрели, как гусары легко запрыгивают в седла (это после таких-то возлияний!) и исчезают в сумерках.

– Замечательный человек! – сказал Семен, и я догадался, о ком это он. – Отменный храбрец и пиит, но при этом нисколько не заносчивый.

– Талант! – согласился я.

– Но хитрый, – хмыкнул Семен. – Тебя хотел переманить. Нет уж! Ну, что, господа? Отдыхаем. Летняя ночь коротка.

Мы разошлись по избам и сеновалам. Я лежал на душистом сене и не мог заснуть. Значит, Бородино. История повторяется. Какой выдастся битва на этот раз? Погибнет ли Багратион? К сожалению, у меня нет возможности спасти князя: он не станет слушать предостережений от подпоручика. Командующий и без того ко мне неровно дышит. Что Багратион? Погибнут генералы Кутайсов и

Тучков, тела которых так и не найдут, десятки тысяч солдат и офицеров. Среди груд трупов может оказаться и тело попаданца. И буду я лежать до весны 1813 года, когда согнанные на уборку тел крестьяне растащат их по ямам и канавам, не разбирая русских от французов. Поле битвы очистят от трупов для посевов – время величественных мемориалов еще не пришло. Как не хочется умирать! На миг мне стало себя жалко, даже слеза навернулась. Но я взял себя в руки. С чего разнылся? Не один раз уже могли убить, но ведь цел пока. Я еще выбьюсь в генералы (три раза «ха-ха») и выйду в отставку героем. Женюсь на Груше… Интересно, как она? Уехала ли из Москвы? Надеюсь. Древнюю столицу нам не отстоять. Наполеон в нее войдет, вот тут-то его армии и кирдык. Успокоенный этой мыслью, я не заметил, как уснул.

3

Карета герцогини Ольденбургской подкатила к зданию дворянского собрания Твери, на днях превращенного в лазарет, и встала напротив крыльца. Соскочивший с запяток лакей разложил лесенку и открыл дверцу. Герцогиня поставила ногу в изящном кремовом башмачке на ступеньку и оперлась на руку подбежавшего адъютанта. От крыльца к ней метнулся заранее уведомленный о визите начальник лазарета.

– Здравствуйте, ваше императорское высочество! – выпалил он, склоняясь в поклоне. – Счастлив приветствовать вас во вверенном мне заведении.

– Здравствуйте, Карл Фридрихович, – ответила герцогиня, ступив на мостовую. – Прошу без чинов. Я здесь с частным визитом. Хочу посмотреть, как устроены раненые.

– Пожалуйте! – начальник лазарета указал на крыльцо. – Позвольте предложить вам руку!

Герцогиня благосклонно кивнула и оперлась на протянутую ей ладонь в белой перчатке. Вдвоем с лекарем они поднялись по ступенькам и вошли распахнутую служителем тяжелую дверь. Следом потянулась свита: адъютант, придворные, слуги с большими корзинами, которые они сняли с подъехавшей за каретой повозки. Супруга генерал-губернатора прибыла к раненым не с пустыми руками.

– Здесь у нас солдаты и унтер-офицеры, – сообщил начальник лазарета, когда они с гостьей вошли в зал первого этажа.

Герцогиня встала у порога и окинула взглядом помещение. Вдоль его стен сплошь лежали матрасы, на них – укрытые шинелями раненые. Еще два ряда матрасов протянулись через центр зала. Внутри было душновато, пахло потом, мочой, кровью и гниющей человеческой плотью. Обонять это было неприятно, но терпимо. Не смердело, как случается в лечебницах, где герцогине довелось бывать. К тому же полы в зале недавно вымыли, видимый в проходах паркет блестел, а раненые не выглядели грязными и заброшенными. Из-под шинелей виднелось чистое, свежее белье.

– Здравствуйте, братцы! – поздоровалась герцогиня звучным голосом.

– Здравия желаем, ваше императорское высочество, – нестройно послышалось в ответ. Раненых, понятное дело, предупредили о визите, и теперь они с любопытством смотрели на высокую гостью. Не все. Некоторые были без сознания или спали.

Герцогиня медленно прошла по проходу, вглядываясь в лица солдат. Те провожали ее взглядами, в которых любопытство мешалось с восторгом. Их посетила сестра царя![18 - Екатерина Павловна Романова, в замужестве герцогиня Ольденбургская.] Возле матраца, на котором лежал высокий, худой солдат с гладко выбритым лицом (побрили к визиту), она встала и наклонилась.

– Как зовут?

– Потап Спицын, – тихим голосом ответил раненый. – Унтер-офицер второй роты первого батальона Орловского полка.

– Где получил рану?

– Под Смоленском, матушка-государыня.

– Я не государыня, – покачала головой герцогиня.

– Раз сестра государя, значит, государыня, – возразил раненый.

– Пусть так, – улыбнулась герцогиня. – Тяжко вам пришлось?

– Не чаяли выжить, – ответил Спицын. – Хранцуз насел со всей силой, к смерти готовились. Но дай бог здоровья его сиятельству князю Багратиону – прислал подмогу: роту конных егерей с пушками. Они и отбили. Хранцуз на это осерчал, подтянул пушки и стал кидать в нас бонбами. Одна разорвалась неподалеку, и меня – осколком в бок. Свезло, что не до нутра. Только ребра поломало и бок распахало.

– Тяжелое ранение, – пояснил из-за спины герцогини начальник лазарета. – Удивительно, что антонова огня не случилось. Но ребра срослись неправильно, теперь у унтер-офицера останется ямка в боку. Однако жить будет; возможно, что и в строй вернется.

– У егерей добрый лекарь был, – сказал Спицын. – Рану мне зашил, мазью помазал, забинтовал крепко. Всех, кого он пользовал, живыми привезли. А вот других…

Он замолчал.

– Подтверждаю, – поспешил начальник лазарета. – Часть раненых из-под Смоленска привезли надлежаще перевязанными, с зашитыми или обработанными ранами. Для заживления их использовался ранее неизвестный бальзам. На днях из военного департамента пришло предписание, где сказано, как его готовить. Одна часть дегтя на тридцать меда. Тщательно размешать и накладывать поверх швов. Еще предписано кипятить бинты и корпию перед перевязками, мазать кожу вокруг раны спиртом. Хирургические инструменты тоже кипятить и вымачивать в спирту. Мы пробовали – помогает. Число нагноений значительно сократилось, раненые стали поправляться быстрее.

– Узнаю Якова Васильевича, – улыбнулась герцогиня. – Добрый хирург и великого ума человек.

– В предписании сказано, что сии методы изобрел лекарь Руцкий, – сказал начальник лазарета. – Его превосходительство Виллие только испытал и рекомендовал к применению.

– Точно Руцкий! – внезапно оживился Спицын. – Его командиру полка представляли, а я неподалеку стоял. Он меня и пользовал. А еще стрелял в хранцуза из штуцера.

– Лекарь? – удивилась герцогиня.

– Он и егерями командовал, – подтвердил раненый. – Те слушались. Я даже подивился: статскому подчиняются как офицеру.

Герцогиня покачала головой, но тему продолжать не стала. Спросила о другом.

– Как кормят вас, Спицын? Сытно ли?

– Грех жаловаться, – ответил унтер-офицер, светлея лицом. – Хлеба и каши дают вволю. Приварок опять-таки. Вчерась щи были с убоиной. Догляд добрый. Моют, рубахи свежие дали.

– Вот и славно! – сказала герцогиня. – А я вам булок привезла, белых. Таких, поди, не давали?

– Нет, государыня, – ответил раненый. – Спаси тебя бог!

– Поправляйся, Спицын! – сказала герцогиня и выпрямилась. Повинуясь ее знаку, слуги с корзинами пошли вдоль рядов, раздавая пышные булки. Раненые брали их и сразу нюхали. По их лицам можно было понять: запах свежей сдобы доставляет им удовольствие. Раненым без сознания или спящим слуги клали булки на укрывающие их шинели. Герцогиня прошла к дверям и у порога обернулась.

– Прощайте, братцы! Поправляйтесь! Я про вас не забуду.

– Прощай, государыня! – полетело ей вслед. – Спаси тебя бог!

По широкой лестнице с дубовыми перилами герцогиня поднялась на второй этаж.

– Здесь у нас офицеры, – сообщил начальник лазарета, на чью руку она опиралась. – Прошу!

Он распахнул дверь в комнату. Герцогиня переступила порог и замерла удивленно. В этой комнате было не так, как внизу. Из распахнутых форточек внутрь вливался свежий воздух, потому тяжелых запахов почти не ощущалось. У стен стояли кровати с матрасами, застеленными простынями. Подушки имели наволочки, а вместо шинелей раненых укрывали одеяла. Но не это удивило герцогиню. У дальней кровати стояла женщина в богатом шелковом платье и капоре, и, наклонившись к раненому, бинтовала ему лодыжку. Причем делала это довольно ловко. К гостям она стояла спиной, и их появления не заметила.

– Это кто? – спросила герцогиня спутника, перейдя на шепот. Ей не хотелось отвлекать незнакомку от необычного занятия.

– Наш ангел, – таким же шепотом ответил начальник лазарета.

Герцогиня недоуменно глянула на него.

– Графиня Аграфена Юрьевна Хренина, – пояснил лекарь. – Как только привезли раненых, каждый день в лазарете. За свой кошт привезла им белья, провизии, лекарств. Затем выразила желание ходить за ними, менять повязки. Я, признаться, сомневался, но разрешил. И, знаете, на удивление ловко у нее выходит. Я спрашивал, откуда умение, – ответила, что научилась у одного лекаря.

– Женщина-медик, – покачала головой герцогиня. – Никогда о таком не слыхала. А как отнеслись к этому раненые?

– Они ее обожают, – улыбнулся начальник лазарета. – Ангелом зовут. Сами посудите: куда приятней, когда тебя касаются нежные женские пальчики, а не грубые лапы фельдшера. Здесь, – он кивнул на раненых, – все поголовно в нее влюблены. Аграфена Юрьевна не только бинтует, но и кормит тяжелых с ложечки, поправляет им постели, пишет за них письма родным, если раненый сам не может. Разве что белье не меняет, но это – сами понимаете, – улыбнулся лекарь. – Не дамское дело-с.

– Она замужем?

– Девица. Девятнадцать лет.

– Вот и найдет себе мужа, – улыбнулась герцогиня.

– У нее, вроде, есть жених, – пожал плечами Фридрих Карлович. – Во второй армии воюет под началом князя Багратиона. Аграфена Юрьевна о нем всех раненых расспрашивает: не видал ли кто?

– Хренина… – произнесла герцогиня задумчиво. – Случайно не генерал-лейтенанта от артиллерии, графа Хренина дочка?

– Она, – кивнул спутник. – Приехала сюда с матерью из-под Смоленска. У мужа ее старшей сестры имение неподалеку от Твери, там и остановились. Старая графиня, вдова генерала, тоже приезжала. Пожертвовала на лазарет пятьсот рублей и разрешила дочке ходить за ранеными. Правда, только за офицерами, к нижним чинам запретила. Но тех и так есть кому доглядеть, – спешно добавил начальник лазарета.

– Хочу с ней поговорить, – сказала герцогиня.

– Как скажете, – поклонился лекарь.

Тем временем графиня закончила бинтовать ногу офицера, укрыла его одеялом и обернулась. Увидав гостей, присела в книксене.

– Здравствуйте, ваше императорское высочество.

– Здравствуй, милая! – улыбнулась герцогиня. – Подойди.

Хренина подчинилась. Встав перед герцогиней, смело посмотрела ей в глаза.

– Хороша! – оценила сестра императора. – И сердце доброе. Так, господа? – спросила у наблюдавших за этой сценой офицеров.

– Так, ваше императорское высочество! – вразнобой загомонили раненые. – Истинный ангел.

– Погоди здесь! – велела герцогиня девушке, а сама двинулась вдоль коек. Останавливаясь у каждой, спрашивала имя офицера, где ранен и куда, интересовалась самочувствием. Идущие следом слуги клали на кровати бутылки с вином и кульки с пирожными. – Побалуйте себя, господа! – говорила герцогиня.

Раненые благодарили, восторженно глядя на благодетельницу. Большинство впервые видели воочию представителя императорской фамилии. Да еще такого красивого! Екатерина Павловна и в девичестве покоряла всех своей красотой, а, выйдя замуж и родив детей, вовсе расцвела.

– Будет в чем нужда – обращайтесь без стеснения! – объявила герцогиня по завершении обхода. – Защитник Отечества, проливший за него кровь, не останется без участия. Обещаю это!

Попрощавшись, она вышла из комнаты, перед этим по-дружески взяв Хренину под руку.

– Где мы можем побеседовать? – спросила начальника лазарета.

– Пожалуйте в мой кабинет! – предложил тот.

В кабинете герцогиня села на диван, показав девушке место рядом. Та подчинилась. Герцогиня сделала знак, и свита оставила их наедине.

– Как тебя зовут, знаю, – сказала герцогиня. – Ко мне обращайся накоротке, по имени-отчеству.

– Как скажете, Екатерина Павловна! – кивнула Аграфена.

– Как это ты, барышня, крови не боишься?

– Отец приучил – я с ним на охоте бывала. Сыновей батюшке бог не дал.

– А за ранеными ходить кто надоумил?

– Сама решила.

– Кто учил?

– Один человек, лекарь. Правду сказать, не учил, – засмущалась графиня. – Он перевязывал раненых, а я смотрела. Спрашивала его, он отвечал. Еще говорил: женщины могут быть лекарями не хуже мужчин.

– Даже так? – удивилась герцогиня. – Где такого набрался?

– За границей. Он там вырос и учился, став лекарем. Силой был взят в армию Бонапарта. Там проявил себя в лекарском деле и занял место при маршале Викторе. Однако служить узурпатору не схотел и сбежал в Россию. Жил в Могилеве. С приходом французов ушел из города. По пути был ранен и ограблен до нитки неприятельскими гусарами. Его подобрали наши егеря. Он их лечил и воевал с ними.

– Уж не тот ли лекарь, что бился под Смоленском? – спросила герцогиня. – Мне о нем рассказали. Новую методу лечения раненых предложил. Вроде, Руцкий зовут.

– Это он, – подтвердила Аграфена. – Платон Сергеевич. Ученый человек!

– Понятно, – кивнула герцогиня. – Добрый лекарь – это похвально, а вот то, что набрался у французов революционных идей… Женщина-лекарь! – она фыркнула. – А кто будет рожать детей, растить их, заботиться о муже и семье? Удивительно, что этот революционер встал под русские знамена.

– Вы несправедливы к нему, Екатерина Павловна! – горячо возразила девушка. – Платон Сергеевич хоть и вырос за границей, но всем сердцем любит Отчизну, а французов ненавидит.

«Хм! – подумала герцогиня. – Да тут, кажется, чувства».

– Расскажи мне о нем, – попросила, улыбнувшись. – Как вы познакомились, где? Что он говорил о России, ее властях? Не стесняйся, дитя, мне любопытно.

Следующие полчаса она внимательно слушала.

– Значит, государь возвел его в дворянское достоинство и пожаловал подпоручиком? – спросила, когда девушка смолкла. Та в ответ кивнула. – Небывалый случай: произвести в офицеры человека, не служившего в армии. Чем же заслужил?

– Я спрашивала раненых офицеров. Они тут все воевали под Смоленском или бились в самом городе. О Платоне Сергеевиче слышали. Сначала он с егерями захватил батарею неприятеля и привел ту в Смоленск. Затем храбро сражался на улицах города. Его рота последней вышла из Смоленска и сожгла за собой мост.

– По заслугам и честь, – согласилась герцогиня. – Он твой жених?

– Платон Сергеевич не просил моей руки, – покраснела Аграфена. – Хотя знаки внимания оказывал. Пел песни, читал стихи.

– Какие? – заинтересовалась герцогиня.

– Я помню чудное мгновенье, – стала декламировать девушка, – передо мной явилась ты…

– Славные стихи! – согласилась герцогиня. – Будь Руцкий здесь, я позвала бы его к себе. Вместе с тобой, конечно, – добавила, заметив ревнивый взгляд юной графини. – Я привечаю пиитов. Ладно, мне пора.

Она встала, графиня вскочила следом.

– Прощай, милая! – герцогиня потрепала ее по щечке. – Ты славная барышня. Красивая, с добрым сердцем. Хочешь ходить за ранеными – ходи, препятствовать не буду, хотя сие весьма чудно.

Она пошла к двери, но внезапно остановилась и повернулась к Аграфене.

– Хочешь совет от замужней женщины, старшей тебя годами?

– Буду счастлива слышать! – присела девушка.

– Не ходи замуж за этого Платона, даже если предложит.

– Почему? – огорчилась Аграфена.

– Не пара он тебе. Авантюрист и революционер. Да, храбр, умелый лекарь и отважный офицер, но подумай сама. В тридцать один год всего лишь подпоручик. Другие в его летах полками командуют, а то и бригадами. За душой ни гроша. Какой из него муж и отец? Твое приданое спустит в карты или прокутит с цыганами, а ты будешь горе мыкать.

– Вы не знаете его!

Щеки графини запунцовели.

– Не знакома, – согласилась герцогиня, – но подобных встречала. Некогда сама увлеклась… – она оборвала фразу на полуслове. – А потом встретила своего Георгия Петровича[19 - Петр Фридрих Георг (Георгий Петрович) принц Ольденбургский, муж Екатерины Павловны. Очень много сделал для своей новой родины. В частности, учредил в Петербурге Институт Корпуса Инженеров. Умер в 28 лет от болезни, которой заразился, посетив госпиталь.]. Замечательный человек: умный, добрый, деятельный. Много пользы России принес. У нас счастливая семья, чудные дети. Вот и ищи такого. Думаю, среди тех, за коими ходишь, найдутся, – она улыбнулась. – Подумай над моими словами, Аграфена Юрьевна!

Герцогиня вышла из кабинета, оставив собеседницу в расстроенных чувствах и мыслях.

* * *

Александр отложил исписанный крупным почерком лист, встал и прошелся по кабинету. В письме Кутузов сообщал, что позиция для сражения с неприятелем наконец-то выбрана, и он намерен дать Бонапарту решительное сражение. Обещал постоять за древнюю столицу и не пустить в нее неприятеля. Однако уверенностью письмо не дышало. Светлейший использовал обтекаемые фразы, и Александр, сам мастер недоговоренностей, чувствовал, что князь не уверен в успехе, как, впрочем, и сам царь. Не удивительно. Бонапарта еще никто не смог

победить в сражении. Кутузов пишет, что неприятель ослаб, его коммуникации растянуты, у французов и их союзников нехватка в продовольствии и снаряжении, но так ли это на самом деле?

«Как бы то ни было, но изменить ничего нельзя, – решил Александр. – Жребий брошен. Помогай ему Бог!» Он перекрестился на иконы, покрывавшие стену в кабине (с недавних пор император стал чрезвычайно религиозен) и вернулся за стол.

Следующим письмом из пакета, доставленного курьером из действующей армии, оказалось послание от Виллие. Начальник медицинского департамента Военного министерства и по совместительству лейб-хирург сообщал об организации помощи раненым, перечислял количество подвижных лазаретов, число задействованных в них лекарей и фельдшеров, количество получивших помощь раненых, которых из Смоленска отправили в Можайск, Москву и Тверь. Все это подробно, обстоятельно, с цифрами и примерами. «Дотошный человек, – подумал Александр, которому наскучило это читать. – Хотя полезный. Но зачем он мне это доносит? Хватило бы отчета по министерству». Он уже хотел отложить письмо, как заметил внизу небольшую приписку.

«В Смоленске случай свел меня с интересным человеком, – сообщал Виллие. – Его зовут Платон Сергеевич Руцкий. Он бастард князя Друцкого-Озерецкого, уехавшего за границу еще при вашей бабушке, императрице Екатерине Алексеевне. Там Руцкий рос и получил медицинское образование. Как лекарь был взят в армию Бонапарта и отправлен служить в Испанию. Проявил себя так, что был приближен маршалом Виктором. Однако служить узурпатору не захотел, бежал от него и пробрался в Россию. Здесь прибился к нашим егерям, лечил их, а затем взял в руки ружье, дабы воевать неприятеля. Я его за то пожурил. Не след такому ученому человеку сражаться как простому солдату – их у России и без того довольно. Лекарь Руцкий отменный, что доказал на деле, вылечив ряд высокопоставленных особ. Так, командующему Первой армией генералу Барклаю де Толли свел сухую мозоль, от которой тот страдал. Руцкий подсказал мне ряд усовершенствований в лечении раненых, которые, будучи применены, дали отличный результат…»

«Вот ведь немец! – возмутился Александр, откладывая письмо. – О самом главном в конце, да еще как бы между прочим. Нет, чтоб прямо! Руцкий, значит? Помню я его. Хотя стоит уточнить».

Он взял со стола колокольчик и позвонил.

– Напомни мне, – сказал заглянувшему в кабинет адъютанту, – проходил ли по моим бумагам некто Платон Сергеевич Руцкий?

– Как же-с! – кивнул адъютант. – Могилевский мещанин, прибившийся к егерям Второй армии. Славно воевал поляков, затем французов, отбив у тех батарею из четырех пушек. Затем бился на улицах Смоленска с ротой егерей, дав возможность дивизии Паскевича отступить в полном порядке, а затем сжечь за собой мост. Князь Багратион хлопотал о возведении Руцкого в дворянское достоинство и даровании ему офицерского чина, на что вы, государь, по великой милости своей изволили согласиться, пожаловав чин классом выше – подпоручиком вместо прапорщика.

– Помню, – кивнул император. – Руцкий открыл использование французами фальшивых русских ассигнаций, представив тому доказательства. О том, что узурпатор готовит такую диверсию, мы знали из сообщений иностранных агентов, но не имели образцов. Благодаря Руцкому получили их, что дало возможность разослать во все ведомства и губернии описание поддельных бумаг. За то я и возвел его в дворянское достоинство. А за подвиги на поле брани даровал офицерский чин классом выше, чем просили, потому что дворянство у него уже было. Ты скажи: не встречалось ли в бумагах на Руцкого упоминания, что тот лекарь?

– Не припомню, государь, – повинился адъютант. – Но с вашего позволения прикажу узнать.

– Займись! – велел Александр.

Адъютант исчез за дверью, а император еще какое-то время перебирал бумаги, лежавшие перед ним на столе. Однако глаза его скользили по тексту, не оставляя следа в памяти. Наконец, Александр отложил их и задумался. Неужели Виллие нашел лекаря, который вылечит его от застарелой болезни? Александр давно страдал от мозолей, которые не позволяли ему носить чулки с башмаками[20 - Реальный факт. Александр I страдал от сухих мозолей, отчего неизменно ходил в сапогах с портянками.]. На приемах император неизменно появлялся в сапогах, чем удивлял иностранцев. Они не догадывались, что только мягкие онучи позволяют самодержцу российскому передвигаться без острой

боли в ступнях. Придворные лекари пытались избавить его от этой напасти, но все без толку. Они связывались с иностранными коллегами, пытаясь узнать, сводят ли там мозоли, и разводили руками. Нигде не могут. И вдруг нашелся умелец – и не просто в России, а в армии. Воюет, как простой офицер, и может быть убит в любой миг. И кто тогда поможет Александру?

Дверь в кабинет приотворилась, и в получившуюся щель скользнул адъютант.

– Узнал, государь! – выпалил, вытягиваясь. – Точно лекарь. В представлении на офицерский чин предписано сообщать сведения для внесения в формуляр, в том числе об образовании. Написано, что Руцкий окончил университет за границей, где обучался лекарскому делу. Говорит по-французски и по-немецки.

– Благодарю, дружок! – сказал Александр, с удовольствием увидев, как полыхнули обожанием глаза адъютанта. По въевшейся с малых лет привычке царь был любезен с окружавшими его людьми – с теми, конечно, кто был полезен. Александр любил нравиться – даже таким незначительным фигурам, как адъютант.

– Ты вот что, – сказал добродушно, – подготовь письмо Виллие. Передай Якову Васильевичу мою просьбу прибыть в Петербург. Довольно ему пребывать при действующей армии – и без него справятся. Все, что требовалось по лекарской части, он уже сделал. Заодно уведомь, чтобы взял с собой подпоручика Руцкого. Буде начальство того станет возражать, пусть покажет мое письмо.

– Слушаю, государь! – кивнул адъютант и скрылся за дверью.

«Будем надеяться, что Руцкого не убьют, – подумал император. – Странный он человек. Вместо того, чтобы делать карьер по лекарской части – тем более, что Виллие от него в восторге, – полез в офицеры. Хотел дворянства? Так я его ему даровал. Вот и занимался бы своим делом. Офицеров и солдат у меня довольно, а вот добрых лекарей – по пальцам перечесть. За столько лет не могли с мозолями справиться…

Думая так, Александр не вспомнил, что еще час тому читал письмо Кутузова, в котором светлейший сетовал на недостаток офицеров в армии, и император с этим соглашался. Но это не затрагивало его лично, а личное для Александра всегда стояло на первом месте…

* * *

– Уверены, Даву? – спросил Наполеон. – Русские, в самом деле, готовятся к сражению?

– Они возводят укрепления, – ответил маршал. – Редуты, люнеты, флеши. Ставят батареи. Зачем, если нет намерения воевать?

– Вы не знаете Кутузова! – хмыкнул Наполеон. – Это старый лис. С него станется возвести укрепления, заставив нас развернуть армию в боевой порядок, а ночью уйти. Русские делали это не раз.

– По сообщениям агентов, далее до самой Москвы нет подходящей позиции для битвы. Сомневаюсь, что русские сдадут древнюю столицу без боя. Под Смоленском они сражались.

– Это был всего лишь заслон, – сморщился император. – Они пожертвовали частью армии, дав возможность уйти остальным. Могут повторить.

– Агенты доносят, что здесь вся русская армия.

– Хорошо бы так, – кивнул Наполеон. – Надоело гоняться за ними, как гончая за зайцем. Теперь зайчик устал и решил дать отпор? Я счастлив, – Наполеон улыбнулся. – Мы разобьем русских и получим нужный нам мир. Без армии Россия – младенец в колыбели. Подходи и бери в руки. Как называется селение, возле которого встали русские?

– Их там несколько, сир. Бородино, Горки, Семеновское, Утица.

– Никому не известные названия, – вновь улыбнулся Наполеон. – Такими же были Маренго, Аустерлиц, Прейсиш-Эйлау. Теперь о них знает мир. Наша слава впишет в историю имена этих жалких селений. Хотя много чести. Пусть предстоящее сражение называется Московским. Что скажете, Даву?

– Великолепная мысль, сир! – поклонился маршал. – Тем более что река, протекающая в этой местности, носит имя русской столицы.

– Решено! – сказал Наполеон. – Я прошу вас удвоить наблюдение за русскими. Не дайте им улизнуть. Обо всем подозрительном в их лагере сообщайте немедленно.

– Слушаюсь, сир! – ответил маршал и, повинуясь знаку императора, вышел из комнаты.

К себе в ставку Даву ехал в дурном настроении. Он собирался рассказать Наполеону о посланце из будущего и даже захватил с собой ранец с его вещами, однако не решился. Император не стал бы его слушать: это было видно по его виду и речам. Наполеон хотел знать только о предстоящей битве – это единственное, что его интересовало. В последнее время маршал с горечью замечал, что перестает понимать человека, за которым некогда пошел, как за путеводной звездой. То, что Наполеон стал императором, он воспринял с пониманием: того требовала ситуация, сложившаяся в Европе. К реставрации порядков, существовавших до революции, это не привело. Свобода, равенство, братство остались на знамени Франции. Любой ее гражданин мог занять место у трона, происхождение человека при этом не играло роли. В окружении Наполеона дети трактирщиков соседствовали с бывшими аристократами, и это никого не удивляло. Одобрительно воспринял Даву и походы в Европу. Гнойник, угрожавший затопить Францию смердящими потоками контрреволюции, следовало вскрыть и вычистить, что и удалось. Заодно Франция принесла народам Европы свет равенства и свободы. На покоренных землях вводились законы империи, уничтожались сословия и привилегии паразитов. Но со временем Даву стал замечать, что сражения, которые он воспринимал, как печальную необходимость, занимают императора больше, чем интересы Франции. Наполеон буквально рвался в бой и чуть ли не бредил битвами. Вот и в России… Зачем Франции страна с диким народом и огромными малозаселенными землями? Подавляющая часть жителей России – крепостные крестьяне, то есть рабы. Даву понял бы императора, объяви тот их свободными. Но Наполеон этого делать не стал. Не захотел злить русского царя, от которого ему требовался нужный мир. И за это должны умирать французы? Сколько их уже осталось на полях сражений – в Европе и не только? Наборы в армию обескровили Францию: в деревнях и городах не хватает молодых и здоровых мужчин, зато полно незамужних женщин и вдов. Если так пойдет и далее, страна обезлюдеет, и вражеская армия захватит ее без особых затруднений.

Если верить Маре, так и произошло. Русская кампания кончилась неудачей, иначе как объяснить отставку императора, его ссылку на Эльбу, реставрацию

Бурбонов и последовавшее триумфальное возвращение Наполеона? Но и оно завершилось разгромом под Ватерлоо. Где в это время был сам Даву? В спектакле, который Маре видел на устройстве посланца, его имя не упоминалось – маршал специально спрашивал. Мюрат, Ней, Груши – эти были. Значит, он или погиб, или находился в отдалении. Вполне возможно, что первое, и нельзя исключать, что в России. Это мучило Даву. Не то чтобы он боялся смерти – это не достойно офицера, но угнетала недосказанность. Расспросить бы этого посланца! Получись у Маре его захватить, можно смело идти к императору. Тогда многое, возможно, удастся изменить.

Внезапно Даву осознал, что не удастся. Наполеон не поверит. В последнее время император слышит только себя. Посланца и его вещи он сочтет попыткой повлиять на его гениальные решения. «Наполеон похож на игрока, который привык ставить все на кон и при этом неизменно выигрывать, – подумал маршал. – Такой гонит от себя мысль, что удача может отвернуться. Остается решить, нужен ли Франции такой император?»

Эта мысль ужаснула его: маршал даже затряс головой, прогоняя ее. Но мысль не ушла – более того, стала обрастать подробностями. И тогда Даву, внутренне ужасаясь, стал их рассматривать. По-другому не получалось: природа наградила его хладнокровным умом, способным принять и проанализировать любую ситуацию. Для императора нет ничего невозможного? Для Даву – тоже. Если речь идет о благе Франции.

4

«И вот нашли большое поле, есть разгуляться где на воле…»

Не знаю, бывал ли Лермонтов на Бородинском поле, но он явно преувеличил. Разгуляться здесь непросто. Справа, если повернуться лицом к западу, – обрывистый берег Колочи, за которой и располагается знаменитое Бородино, слева – болотистый лес у деревни Утица. В центре – холмы и овраг с ручьем у Семеновской. Вдобавок ратники соорудили здесь редут, люнет и флеши – почти такие же, как в моем мире. Погуляй тут под пушками и ружьями! Редут, к слову, возвели не у Шевардино, а ближе к нашим позициям. В моем мире с его помощью задержали авангард французов, дав возможность армиям Кутузова

занять предназначенные для них места. Здесь в этом не было нужды, и редут поставили, видимо, чтобы типа был, как и остальные укрепления. К слову, весьма жидкие, неприступными крепостями они не выглядят. Я-то надеялся, что временная фора, случившаяся в этой реальности, позволит подготовить позицию более основательно. Счас! И знаете, почему не смогли? Лопат и кирок не хватило – как и в моем времени. Есть вещи, которые изменить невозможно, и одна из них – русский бардак.

Это я ворчу. Мандраж. От осознания того, что произойдет на этом неровном, холмистом пространстве, меня трясет. Я видел много смертей, но то, что случится завтра, можно назвать бойней, гекатомбой – массовым жертвоприношением. Десятки тысяч убитых, которые будут лежать в несколько слоев. Пропитанная кровью земля. Не всех павших похоронят. Спустя 12 лет один из участников Бородинского сражения посетит поле и с горечью увидит разбросанные повсеместно человеческие кости. К 25-летию Отечественной войны здесь наведут порядок, а на высоте, где стояла Курганная батарея, поставят обелиск, у подножия которого по ходатайству Дениса Давыдова захоронят тело Багратиона. В 1932 году обелиск взорвут, как и другие памятники на Бородинском поле. Их сочтут не имеющими исторической (!) и художественной ценности. Взрывом выбросит из саркофага кости Багратиона, и они будут валяться под открытым небом. По иронии судьбы, через 12 лет именем генерала назовут самую блестящую операцию Красной армии. Но даже это обстоятельство не заставит большевиков воссоздать обелиск на поле славы русского народа – это произойдет уже на закате СССР.

Откуда у революционеров такая страсть к разрушению? Почему надо «до основанья, а затем»? Во Франции они выбросят из саркофагов останки королей, будут громить церкви и дворцы, в СССР – планомерно взрывать церкви. Покойная бабушка рассказывала мне о специальных командах подрывников, которые в 30-е годы ездили по селам, занимаясь этим черным делом. Передвигались они под охраной, дату приезда держали в секрете. Если крестьянам удавалось узнать, они перехватывали разрушителей и убивали. Это обстоятельство, к слову, заставило большевиков отказаться от тотального сноса храмов. Хватило ума сообразить, что нового восстания крестьян власть может не пережить.

Что-то я не о том думаю. Настроение у всех тревожное. Французы уже пришли. Встали в паре километров от наших позиций и развели костры. Кашу варят, как и мы, к слову. Только у нас греча, а у них – рис. Не привычный мне белый, а

коричневый – случалось нам захватывать его в трофеях. Вкусный, кстати, егерям понравился. Готовимся ужинать. Багратион приказал армии отдыхать. Перед ужином выпить по чарке, утром тоже нальют. Понимает генерал, что для многих эта выпивка станет последней. В моем времени основной удар французов пришелся по армии Багратиона. Она потеряла свыше 60 % личного состава. Многие части – и того больше. В сводной дивизии Воронцова уцелело 300 человек из 4000, и ее расформировали. Сказать бы это Кутузову, но поверит ли? Даже слушать не станет. Я для генералов никто – какой-то обер-офицер из егерей. Так что выпьем и поедим. Интересный факт: у французов солдат носит выпивку в манерке, в русской – водку раздают централизованно под надзором офицеров. То ли для отчетности, то ли не доверяют нижним чинам. К слову, объявили приказ: раненых с поля боя солдатам не выносить, этим займутся ратники. Нас это не касается – есть свой эвакуационный отряд. Обучили фурлейтов и прочих нестроевых. В бою у них нет дела, вот пусть и займутся.

Ужинаем молча. В меню – каша с хлебом, ибо деликатесов не достать: маркитантов отогнали далеко в тыл, а ближние селения очистили от продуктов передовые части – подмели все до последнего зернышка. Что еда – дома и сараи раскатали по бревнышку. Они ушли частью на укрепления, частью на дрова. Кашу для десятков тысяч человек варить-то надо. Уцелело только несколько изб, да и те для генералов. Полковники рады захудалому овину, но и тех не хватает. Многие спят под открытым небом. Удивительная тишина стоит на русских позициях. Зато французы веселятся. У них играют оркестры, а крики Vive l'Empereur! («Да здравствует император!») различаем даже здесь. Ну, так тихо, а звук вечерами разносится далеко.

Слышен топот копыт. Приближается. К нам? К кострам подлетает офицер на мышастом жеребце. Здесь это распространенная масть, мой Мыш не исключение. На офицере белые лосины и зеленый мундир с эполетами и аксельбантами. Штабной.

– Майора Спешнева и подпоручика Руцкого к князю Багратиону! – объявляет посыльный. – Здесь они?

Мы с Семеном встаем.

– Поспешите, господа! – говорит офицер и исчезает в сумерках.

Вот ведь, кашу не дали доесть! Идем пешком. Наши кони расседланы, а до Семеновской всего ничего. Минуем околицу и направляемся к избе в центре деревни. Штаб Багратиона выдает суета всадников и пехотинцев. Одни забегают во двор, другие – обратно. Входим и мы. В сенях за столом с горящей свечой, прилепленной к столешнице, сидит адъютант. Пламя при нашем появлении колеблется и трещит.

– Майор Спешнев и подпоручик Руцкий к князю Багратиону, – докладывает Семен.

– Подождите! – кивает адъютант, встает и скрывается за дверью. Обратно появляется почти сразу. – Прошу, господа!

Сгибая головы, а иначе никак – притолоки здесь низкие, входим внутрь. В избе, склонившись над столом, стоят Багратион и Сен-При. Они рассматривают карту, которую освещает подсвечник. Пламя свечей отбрасывает на задумчивые лица красные отблески. При нашем появлении генералы выпрямляются.

– Подойдите! – прерывает Багратион доклад Семена. Подчиняемся. – Завтра, майор, будете при мне подвижным подкреплением, – продолжает князь.

Все понятно: затыкать дыры в случае прорыва врага. Смертнички мы с Семеном.

– Но я позвал вас не за тем, чтобы это объявить. Приказ можно передать и через адъютанта. Мой начальник штаба, – кивок в сторону Сен-При, – хочет побеседовать с поручиком Руцким. Пожалуйте, Эммануил Францевич!

– Хочу спросить вашего мнения, подпоручик, – начинает генерал. – Под Смоленском вы безошибочно угадали действия неприятеля, предсказав фланговый обход через Красный. Не могли бы вы сказать о действиях Бонапарта сейчас? Вы служили во французской армии, и хорошо знаете ее манеру.

Все ясно. Багратион вспомнил, как облажался под Смоленском, не поверив лекарю, но признать это не комильфо. А знать хочется: слишком высоки ставки. Поэтому действует через начальника штаба.

– Разрешите? – указываю на карту.

– Извольте, – кивает Сен-При.

Подхожу, наклоняюсь и делаю вид, что изучаю расположение войск. Чего тут изучать, я его наизусть знаю. Во-первых, из прошлого, во-вторых, улучив момент, объехал поле. Все, как в моем времени. Но притвориться стоит: скорому ответу не поверят. В избе тихо, слышно только, как трещит пламя свечей и напряженно дышат генералы.

– Главный удар Бонапарт нанесет здесь, – указываю на левый фланг нашей армии.

– Почему тут? – немедленно подключается Багратион.

– Правый фланг нашей армии прикрывает Колоча. Чтобы обойти его, необходимо форсировать реку. Сделать это можно, но рискованно. Войска в такой момент уязвимы. Бонапарт на это не пойдет, хотя может изобразить атаку, для наглядности, скажем, захватив Бородино. Но это будет ложный маневр. Основные силы бросит сюда, – указываю на укрепления перед Семеновской. – Цель – обойти нашу армию, нанести ей фланговый удар, разгромить и отрезать путь к Москве.

– Уверены? – это уже Сен-При.

– Головой ручаюсь. Если обману, можете расстрелять.

Сен-При смотрит удивленно. А что? Мне терять нечего.

– Как поведет атаку Бонапарт?

Это уже Багратион. Пробрало князя. Неприятно знать, что на твою армию враг навалится со всей силой.

– Он артиллерист. Поэтому первым делом подтянет пушки – стволов триста. Расстреляет укрепления, а потом бросит в бой пехоту и кавалерию. Укрепления они захватят легко. После чего – обход с фланга. Одновременно со стороны Утицы, полагаю, нанесет удар корпус Понятовского.

– Мы отобьем укрепления обратно!

– А они захватят их снова. Упорства французам не занимать, и их больше. Будут драться до последнего нашего солдата. После чего возьмут Утицу и Семеновское и выйдут в тыл Первой армии.

– Вы говорите так, будто знаете наперед, – это уже Сен-При.

– Под Смоленском было так же. Мне не поверили, и к чему это привело? Дивизию Неверовского едва не растерзали. А был бы там наш корпус, и Мюрат с Неем кровью бы умылись.

Багратион сопит, Семен смотрит на меня страшными глазами. Я только что провез генералов фейсом по столу. Плевать!

– Думаете, потерпим поражение? – снова Сен-При.

– Устоим, ваше превосходительство, но потери будут огромные. Их можно сократить, если отдать приказ войскам ложиться под обстрелом. Орловскому полку под Смоленском это помогло.

Багратион и начальник штаба переглядываются. Думайте, господа генералы, думайте – это полезно.

– Светлейший не даст подкреплений, – качает головой Багратион. – Не поверит. Он ожидает удар справа, вокруг Горок самые сильные укрепления.

– Попросите у Кутайсова артиллерию, – говорю уверенно. – Половина ее сейчас в резерве. Пусть даст пару сотен пушек – лучше единорогов. Их задача – подавить батареи неприятеля. Выйдет – не сдадим укреплений.

Генералы смотрят на меня во все глаза. Я только что дал совет стратегической глубины и, возможно, такой же глупости. Но молчать не могу. Кутайсов в моем времени погиб еще утром – полез в бойню на Курганной батарее. Самое дело для артиллерийского генерала – шпажонкой махать. Нового начальника артиллерии назначить не сподобились, и треть русских орудий в Бородинской битве простояла в резерве, в то время как французские расстреливали наши шеренги

практически безнаказанно. Оттого у армии, оборонявшей позиции, потери случились больше, чем у наступавших французов.

– Стоит попробовать, – говорит Сен-При. – Двести пушек не даст, но сотню возможно.

– Нужно подготовить для них позиции, – кивает Багратион и склоняется над картой.

Ну, вот, конструктивный разговор…

– Разрешите идти, ваше сиятельство?

– Идите! – машет князь рукой…

– Ты что? – обрушивается на меня Спешнев на улице. – Так дерзко! Я прямо похолодел. А если бы князь вспылил?

– Меня спросили – я ответил, – пожимаю плечами. – Не о том думаешь, Семен. Завтра, может, головы сложим, а ты про субординацию. Смерть, она не разбирает: рядовой ты или генерал. А смертей завтра будет много.

– Выживем! – крутит он головой. – В Смоленске хуже пришлось, и что? Уцелели.

Верит Семен в мою удачу. Мне бы так.

– Пойдем, доедим кашу, – предлагаю. – А то здесь не предложили. Жадные.

Семен хохочет. В его представлении получить кашу от генералов смешно. Хотя могли бы накормить. Завтра я их спасать буду – обоих. В моем времени Багратион получил на Бородинском поле тяжелое ранение в ногу, приведшее к смерти, а Сен-При контузило. Как буду спасать? Не скажу. Возможно, не получится, но попытаться стоит. Иначе никогда себе не прощу…

* * *

Спал я на удивление крепко. Проснулся на рассвете. Некоторое время лежал на шинели, прислушиваясь и всматриваясь. Окрестности заволок туман. Он стоял густой пеленой, скрывая предметы и людей уже в десятке шагов. Ну, так осень. По местному календарю, 1-е сентября. В моем времени Бородинская битва началась 26 августа, и утром был туман. Потом солнце разогнало его. Даты сместились, но это не повлияло на события. Осень в 1812 году выдалась теплой.

В молочной пелене слышно звяканье котелков и негромкий говор егерей. Дежурные сходили за водой, и сейчас будут варить кашу. Угадал: неподалеку, в бело-серой пелене блеснул красный отсвет костра. Достаю из кармана часы – четыре утра, даже четыре пятнадцать. Хотя, кто знает, сколько на самом деле? Точного времени здесь не существует, офицеры выставляют часы по хронометру командующего. Он здесь задает время.

Сажусь, наворачиваю портянки и натягиваю сапоги. Многие офицеры носят чулки, но мне такого не надо. Лучше портянок для сапог ничего не придумали. Чулок может сбиться и натереть ногу. Его нужно менять каждый день, иначе, заскорузлый от пота, даст тот же эффект. А вот портянка длинная, и на ней можно чередовать места, прилегающие к стопе. В советской армии, по словам деда, солдатам меняли портянки раз в неделю – и ничего, с ногами был порядок.

Из тумана возникает фигура в сером мундире и таком же колпаке. Пахом.

– Здравия желаю, ваше благородие! Умываться?

– И бриться тоже, – отвечаю денщику.

Пахом кивает и исчезает в тумане. А я пока сортир навещу. У нас с этим строго: специально отведенное место с вырытой канавкой и вбитыми с одной стороны через равные промежутки кольями. Это чтобы держаться, сидя в позе орла. Удивительно, как быстро я привык к походной жизни. Ночевки под открытым небом, сон на расстеленной попоне, под которую брошена охапка соломы или сена, иногда – и вовсе свежескошенной травы или еловых ветвей, мундир из сукна с нижним бельем из грубого полотна, пыль, мухи, нередко – отсутствие возможности помыться. В своем времени от такого «комфорта» взвыл бы, а тут ничего. Быстро слетает с человека цивилизация…

Возвращаюсь к бивуаку. Пахом уже ждет с ведром. Стаскиваю мундир, рубаху, наклоняюсь, и Пахом начинает сливать мне ковшом. Фыркаю, растирая воду по груди и спине – руки пока, слава богу, до лопаток достают. Денщик к таким умываниям уже привык, хотя иногда ворчит, что барин дурью мается. Каждое утро ведро воды ему подавай. Другие офицеры в походе неделями не моются, а рубахи меняют от бани до бани. Я не обращаю на это внимания. Не нравится – верну в фурлейты, а Пахому такой поворот – нож острый. Денщик – должность завидная, хоть и хлопотная. Тяжелое таскать не нужно, питание с офицерского стола, деньга опять-таки от щедрот барина перепадает. А что их благородие чудит, заставляя и денщика соблюдать гигиену, пережить можно. Рубашку офицера лишний раз постирать руки не отвалятся.

Пахом подает мне расшитое петухами льняное полотенце – стащил где-то в крестьянской избе. Растираюсь им до красноты кожи. Эта процедура вкупе с холодной водой прогоняет остатки сна. В завершение сажусь на попону, стаскиваю сапоги и остатками воды из ведра мою ноги. Мне сегодня много ходить, а чистые ноги – залог комфорта.

Пахом уносит в туман опустевшее ведро и возвращается с котелком горячей воды. Мебели у нас нет, сажусь на попону. Пахом становится на колени и мылит мне лицо, затем достает бритву.

Из тумана возникает зевающий Семен. Становится рядом и с интересом наблюдает, как денщик скоблит мои щеки.

– Решили побриться, Платон Сергеевич? – спрашивает задумчиво.

– Лучше сделать это самому, чем тебя побреют французы, – отвечаю словами летчика из старого фильма[21 - Фильм «Освобождение». В оригинале фраза звучала так: «Лучше сделать это самому, чем тебя побреют «мессершмитты».].

Семен хохочет над немудреной шуткой. Простые здесь люди: палец покажешь – смеются.

– Пожалуй, я присоединюсь, – говорит майор, садясь рядом. – Побреешь меня, Пахом?

– Извольте, ваше высокоблагородие! – кивает денщик, вытирая бритву тряпицей. – Воды и мыла в достатке.

Спустя час батальон вытягивается к Семеновской. Глухо стучат копыта коней, звякает амуниция, поскрипывают колеса лафетов. Вблизи выглядим грозно: три с половиной сотни егерей, восемь пушек. Но на фоне выстроившихся войск – букашка. Туман растаял, и видно, как поле сражения заполонили полки и дивизии. Парадная форма, начищенная амуниция, сверкающие штыки и пушки. Армия в виду врага хочет выглядеть достойно. Впрочем, у французов аналогично – в бой идут, как на парад.

Останавливаемся на околице деревни. Семен скачет в штаб за распоряжениями, я остаюсь с егерями. Командую спешиться и стоять вольно. До нас дело дойдет не скоро – французы еще не начинали. Ко мне подтягиваются офицеры: трое ротных командиров и два артиллерийских начальника: Зыков и Кухарев. Ну, и хорунжий Чубарый.

– Закуривайте, господа! – предлагаю, вытащив кисет.

На предложение откликаются Рюмин и Чубарый, остальные не курят. Казак с нескрываемым удовольствием зачерпывает трубкой в моем кисете и начинает уминать табак в чашке большим пальцем с желтым ногтем. Следую его примеру.

– Добрый у вас табак, Платон Сергеевич! – говорит Чубарый, прикуривая от поднесенного казаком тлеющего трута и выпуская дым. – Духмяный.

– Денщик у маркитанта купил.

– Дорогой, небось?

– Напоминаю, господа, – прерываю ненужный сейчас разговор. – В штыки на неприятеля не ходить – только если случится отбиваться. Стрелять, стрелять и еще раз стрелять. Пуля – дура, как говорил Суворов, но бьет сильно. Солдата с ног сразу валит, а штыком не один раз ткнуть нужно.

Между прочим, правда. Бородинская битва убедительно доказала, что штык – оружие никакое, как и сабля, впрочем. На солдате много амуниции: ранец,

ремни, кивер, шинель, которые штыком/саблей или не пробиваются, или защищают от фатального удара. Прежде в бой ходили без ранцев и шинелей, в результате под Аустерлицем потеряли их, а потом мерзли и голодали. Военный министр Аракчеев приказал: более не снимать. И что? Свыше 90 % павших в этой битве погибли от огнестрельного оружия – пушек и ружей.

– Теперь вы, – поворачиваюсь к артиллеристам. – Не геройствовать. Если неприятель прорвется к батарее, бросайте орудия и отходите. Черт с ними, пушками! Потеряем – добудем другие. А вот артиллеристов новых взять негде.

– Странные вещи говорите, Платон Сергеевич! – замечает Голицын. – Армия собирается стоять насмерть, а вы – отходить.

Вот ведь герой нашелся!

– Умереть – дело нехитрое, Михаил Сергеевич, – отвечаю, пыхнув дымом. – А кто Родину защитит? Или в тылу ждет еще одна армия? Нет? Тогда и говорить не о чем. Умирать должны они, – тычу чубуком в сторону французов, – и мы им поможем. Нам еще по Парижу маршировать – забыли?

Офицеры смеются. О том, что пройдем по Парижу, я им говорил, только не верят. Сейчас это кажется невозможным. Но ведь будет!

На деревенской улице показывается Семен. Едет не спеша. Приблизившись, соскакивает на землю.

– Велели ждать приказа, – объясняет в ответ на вопросительные взгляды и достает трубку. – Не угостите табачком, Платон Сергеевич?

Достаю кисет. В этот миг над полем будто прокатился гром – выпалили пушки. Французы начали. Наши батареи дали ответный залп. Не сговариваясь, поворачиваемся к полю. Его заволокло пороховым дымом, который относит легкий ветерок. Пушечных залпов уже не слышно: стоит сплошной рев, от которого закладывает в ушах. Достаю часы – ровно шесть часов.

– Началось! – кричит Семен и крестится. Все повторяют, в том числе я. Помогай нам Бог!

* * *

К восьми утра сводная батарея майора Гусева расстреляла все заряды и потеряла два единорога. У одного ядром разбило лафет, второму угодило в дуло, покорежив ствол. Теперь только на переплавку. Погибли четверо артиллеристов, в том числе фейерверкер, еще двенадцать раненых ратники унесли в тыл. Но французам урона нанесли больше. Единороги Гусева привели к молчанию батареи неприятеля, досаждавшие защитникам флешей. В подзорную трубу Гусев наблюдал, как бомбы, выпущенные из его орудий, падали среди французских пушек и, взрываясь, выкашивали прислугу. Некоторые переворачивали орудия, а одна, угодив в зарядный ящик, воспламенила порох, и мощный взрыв разметал все живое в окружности. Французы не выдержали и снялись с позиций. Защитники флешей встретили их уход радостными криками.

Это не понравилось французским генералам, и они бросили на досаждавшую им батарею конницу. Не менее полка кирасир, сверкая начищенными кирасами и касками с конскими хвостами, понеслись к флешам, размахивая палашами. Казалось, никто и ничто не в состоянии остановить эту железную лавину. Защитники флешей встретили кирасиров огнем, но те, не обращая внимания, пронеслись между укреплениями и вылетели к батарее Гусева. Французам предстояло преодолеть где-то с полтысячи шагов, когда майор приказал: «Пали!».

Десять орудий выбросили из стволов огонь с дымом, но вперед их – жестяные стаканы с картечью. На нужном расстоянии те раскрылись, и тяжелые чугунные шары с силой ударили по людям и лошадям. Они пробивали кирасы и мундиры, ломали руки и ноги, попадая в гребни шлемов, рвали их хозяевам горла подбородочными ремнями. Картечный залп пушек всегда страшен, но единорогов – кратно. Они бьют сильнее и дальше, а картечь у них тяжелая – в полфунта пулька[22 - В боекомплект полупудовых единорогов входила дальняя и ближняя картечь. Дальняя – 48 пуль № 7, ближняя – 94 пули № 5. Диаметр пули № 7 – 37,3 мм, вес – 195,4 грамма. Пули № 5 – 30,5 мм и 104,9 грамма соответственно. По сути – малые ядра.]. Двухсотграммовая картечина порой пробивала несколько тел на своем пути. Передние ряды кирасиров будто косой смело – они рухнули, образовав кучи из людей и лошадей. Но французы не были бы французами, если бы смутились подобным обстоятельством. Обтекая павших товарищей, они продолжили атаку. Однако бомбардиры Гусева успели перезарядить орудия и встретили их новым залпом. Они успели дать их еще шесть, после чего остатки полка пустились наутек. Пехота из прикрытия, не

успевшая вступить в дело, проводила их улюлюканьем и презрительными криками. А Гусев, отерев пот со лба, приказал привезти из тыла заряды – их не осталось совсем: ни бомб, ни картечи.

Посыльные ускакали, и артиллеристы принялись приводить в порядок позицию. Ставили поваленные неприятельским огнем туры, убирали обломки и трупы. Павших Гусев приказал отнести за позицию и сложить там. Хорошо б, конечно, похоронить, только когда? Вчера по позициям пронесли икону Смоленской Божьей Матери, и все, кто хотел, помолились и получили отпущение грехов. Многие причастились, так что предстанут перед Господом, миновав мытарства. В том, что предстать сегодня предстоит многим, майор не сомневался.

Несмотря на потери, результат боя пока радовал майора. Вчера его артиллерийский батальон определили в резерв, что огорчило офицеров и нижних чинов. Все рвались в дело. Но поздним вечером прибыл посыльный от Кутайсова. Генерал приказал сформировать сводную батарею из полупудовых единорогов и направить ту в распоряжение Багратиона. В штаб Второй армии они прибыли на рассвете. Батарее отвели место за флешами, наказав пресекать попытки французов разбить укрепления артиллерийским огнем. Это пока удавалось. Если бы не промедление с зарядами…

Тем временем сражение продолжалось. Ободренные молчанием единорогов, французы возобновили обстрел флешей и пошли в атаку. Защитникам укреплений пришлось туго. Прискакал какой-то полковник и, не спрашивая Гусева, увел его прикрытие в центральную флешь. Батарея осталась на возвышении сиротой, и это заметил неприятель. Не менее эскадрона кавалерии, обогнув южную флешь, помчалась на замолкшие единороги. В этот раз – уланы. Опустив пики с трепетавшими флажками, они неслись к батарее, и остановить их было некому. Ближняя к ним южная флешь пала: ее затопили солдаты в синих мундирах и в киверах с красными султанами.

Артиллеристы похватали банники и ганшпуги, кто-то выдрал оглоблю из повозки, но большинство обнажили тесаки. Гусев и его офицеры вытащили из ножен шпаги. Все прекрасно понимали, что с таким оружием они уланам на один зубок, но сдаваться никто не собирался. Гусев успел подумать, что неприятель захватит его единороги, и это будет горшей потерей для русской армии, чем гибель двух сотен артиллеристов. Виновным назовут его. Плевать начальству, что у них не было зарядов, важен сам факт.

До уланов оставалось чуть более сотни шагов. Гусев уже различал их лица – потные и красные от возбуждения, как внезапно откуда-то сбоку грянул пушечный залп – мощный и слитный. Передние ряды уланов, словно наткнувшись на невидимую преграду, полетели на землю. Следом, как будто толстую ткань разорвали, ударили ружья – много. Их залп вместе с пушечным смел не менее половины эскадрона. Уцелевшие уланы развернули коней и, погоняя их, понеслись прочь. Им вслед устремились неизвестно откуда взявшиеся казаки. Вопя и улюлюкая, они настигали отставших французов и кололи их в спины пиками.

Гусев повернул голову. Слева от батареи, где-то в сотне саженей, стоял строй егерей в зеленых мундирах и восемь пушек. «Шестифунтовки, – определил майор опытным глазам. Егеря заряжали ружья, а артиллеристы суетились у орудий, прочищая стволы банниками. – Кто это? – удивился Гусев. – Откуда взялись?»

Словно отвечая на его мысли, от егерей отделились два офицера и поскакали к батарее. Скоро они приблизились, и Гусев разглядел их горжеты – майор и подпоручик. Он шагнул навстречу гостям и поднес руку к киверу.

– Майор Гусев, командир сводной батареи единорогов. С кем имею честь?

– Командир отдельного батальона конных егерей при князе Багратионе майор Спешнев, – козырнул ему старший из офицеров. – А это мой помощник подпоручик Руцкий.

– Тот самый? – не сдержался Гусев. – Который вышел последним из Смоленска? Чьи песни в армии поют?

Он внимательно всмотрелся в лицо подпоручика. Надо же! Встреча какая! Подпоручик выглядел обыкновенно, разве что за его спиной висело не подобающее офицеру ружье без штыка.

– Он, – улыбнулся Спешнев. – Что тут случилось, майор? Почему не стреляли? Где прикрытие?

– Прикрытие увели, а у нас заряды кончились, – вздохнул Гусев. – Много по французам палили. Две батареи к молчанию привели, заставив сняться с

позиций. Послал за зарядами, но их не привезли.

– По пути сюда мы обогнали упряжки с зарядными ящиками, – сказал Спешнев. – Не заметил, чтобы они спешили.

– Я им задам! – пообещал Гусев. – А вы к нам в прикрытие?

– Нет, – покачал головой Спешнев. – Мимо проезжали и решили помочь. У нас приказ командующего отбить у неприятеля южную флешь и удерживать ее до подхода резерва.

– Вас же мало, – удивился Гусев. – Там полк надобен.

– Воюют не числом, а умением, – улыбнулся Спешнев.

– Благодарю вас, майор! – сказал Гусев. – Выручили. За мной должок.

– Сочтемся! – кивнул Спешнев. – Не прощаюсь, майор. Даст бог, свидимся. Считай, рядом стоим.

Он развернул коня и поскакал к батальону. Следом устремился подпоручик. Все это время он не сказал ни слова, только с любопытством смотрел на единорогов и артиллеристов. Гусеву почему-то показалось, что с удовольствием. «Неразговорчивый какой», – подумал он. Достав из кармана подзорную трубу, он стал наблюдать за действиями егерей. Те, выстроившись в ротные колонны, шагали к захваченной флеши. Впереди артиллеристы катили пушки – запрягать в них коней не стали. «Правильно, – оценил Гусев, – тут не более полуверсты. – Хотя мои единороги так не покатишь – надорвешься».

Тем временем егеря приблизились к тыльной, открытой части флеши саженей на сто. Навстречу им стали выбегать французы и строиться в шеренги. Однако завершить им это не позволили. Шестифунтовки, замерев, дали залп, который снес несколько десятков неприятелей, посеяв среди них хаос. Гусев видел, как командир французов в шляпе с плюмажем, возвышаясь на лошади, кричал и махал шпагой, пытаясь собрать своих бойцов снова в строй. Возможно, ему бы это удалось, как вдруг он схватился за грудь и сполз с седла. Переведя окуляр на егерей, Гусев увидел, как Руцкий ставит к ноге дымящееся ружье. «Надо

же! – удивился майор. – С такой дистанции угодил. Наверное, у него штуцер».

Тем временем залп дали другие егеря. Французов у флешей будто косой срезало – егеря стреляли метко. Неприятель заметался, и Гусев ожидал, что егеря бросятся в штыки, однако они не стронулись с места. Стояли на месте и палили издалека. Им помогали пушки. Скоро возле флешей французов не осталось: кто пал мертвым, кто убежал, а кто спрятался внутри укрепления. По команде Спешнева егеря подошли ближе и вновь дали залп – на этот раз внутрь флеши. Только после этого русские вошли внутрь, и скоро над флешью взмыло знамя с орлом и Андреевским крестом. Артиллеристы, наблюдавшие за боем, встретили его радостными криками.

– Славно воют! – воскликнул капитан Прошкин, подойдя к Гусеву. – Заметили, что не пошли в штыки, а вычистили флешь артиллерийским и ружейным огнем? Берегут солдат.

– Так это летучий батальон Багратиона, – ответил майор. – Я про них много слышал, когда еще рота была. Бьются лихо. Пушки их видели? Все трофейные. Отбили у неприятеля и пользуют.

– С припасом незадача, – заметил капитан. – Наши ядра не подойдут – калибр другой[23 - Это так. У шестифунтовых пушек русской и французской армии были разные калибры.].

– Зачем им ядра? – пожал плечами Гусев. – С пехотой накоротке бьются. Тут картечь, а ее можно самим в заряды связать. Вы вот что, Игнат Тимофеевич, – добавил, заметив показавшиеся упряжки с зарядными ящиками, – разберитесь, почему с зарядами медлили, и доложите мне. Так не годится! Не случись этих егерей, нам бы головы свернули. Не уланы, так пехота из захваченной флеши. Мы тут с неприятелем бьемся, а они прохлаждаются! – он указал на упряжки.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – козырнул Прошкин и направился к обозу. Гусев отвернулся к флеши и поднес к глазу подзорную трубу. Поверх брустверов мелькали тела: егеря выбрасывали наружу трупы врага. Другие выносили с тыльной стороны и складывали их на траву за флешью. «Это своих», – догадался майор и вздохнул – тел было много. Вернувшиеся из погони казаки обдирали трупы врагов – в том числе убитых единорогами кирасиров. Гусев только головой покачал: нашли время! Хотя чего взять с этих башибузуков?

Спустя полчаса, когда с виновными разобрались, а единороги зарядили и приготовились стрелять, перед флешами вновь зашевелились французы, а на батарею прискакал казачий урядник.

– Это вам, ваше высокоблагородие! – сказал, козырнув Гусеву. После чего, наклонившись с седла, положил у его ног мохнатый ранец из телячьей кожи. – Его высокоблагородие майор Спешнев велели передать – в знак уважения и боевой дружбы, как они сказали.

Казак снова козырнул и ускакал.

– Что там? – полюбопытствовал подошедший Прошкин.

– Гляньте! – предложил майор.

Капитан присел, отстегнул клапан и достал из ранца манерку. Сорвал жестяной стакан и понюхал содержимое.

– Бренди, – сообщил, улыбнувшись, и надел стакан обратно. Отставив манерку в сторону, достал другую. Эту только потряс над ухом. Затем извлек большую жестяную банку. – Это что? – произнес, с удивлением разглядывая незнакомый предмет.

– Французская еда, – сказал Гусев. – Мясо, запечатанное в железо и прокипяченное. Не портится несколько месяцев. Видел я такие – правда, пробовать не довелось. Говорили: вкусно.

– Попробуем, – согласился Прошкин и отложил банку в сторону, после чего извлек из ранца что-то, завернутое в тряпицу. – А это что?

Отбросив углы ткани, он с изумлением уставился на часы с цепочками. Блестящие серебряные корпуса, один даже золотой.

– Один, два, три, четыре, – пересчитал капитан. – Ровно по числу офицеров батареи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Великая армия.

2

Реальный факт того времени.

3

Николай Михайлович Каменский, граф и генерал от инфантерии. Выдающийся русский полководец, военным дарованием не уступавший Багратиону. Умер от лихорадки, подхваченной на юге, в возрасте 34 лет.

4

Матвей Иванович Платов, генерал от кавалерии.

5

Именно так. Карты Смоленщины рисовали в спешке. Зато были карты иностранных государств.

6

Фурлейт – возчик в русской армии того времени.

7

В состав роты вестфальской артиллерии входили 4 шестифунтовые пушки и 2 гаубицы.

8

Созданное Наполеоном на германских землях Вестфальское королевство возглавлял его младший брат Жером.

9

Реальный факт. Прусский унтер-офицер заплакал, когда французский офицер протянул ему руку. В прусской армии подобное было невозможно.

10

До 1835 года даже самый низший офицерский чин давал его обладателю право на потомственное дворянство.

11

Реальный факт. Огромная нехватка командиров в русской армии в 1812 году заставила призвать под знамена всех отставных офицеров, включая престарелых и калек. Инвалидами в то время называли ветеранов. То, что прапорщик командует ротой, не было чем-то исключительным. Случалось, и фельдфебель.

12

Так называлась в то время пенсия для офицеров, выслуживших 20 лет. Составляла треть от оклада.

13

Такое право было предоставлено всем свободным сословиям России в 1803 году. Ранее землей могли владеть только дворяне.

14

Магазинами в то время назывались склады.

15

ГГ использует трофейный, так называемый «шкатулочный» пистолет французского производства.

16

Александр Самойлович Фигнер, командир партизанского отряда в 1812 году. Отличался редкой дерзостью и бесшабашностью в своих вылазках.

17

Реальный факт: Денис Давыдов провел отрочество в Бородино. Часть этого села принадлежала его отцу.

18

Екатерина Павловна Романова, в замужестве герцогиня Ольденбургская.

19

Петр Фридрих Георг (Георгий Петрович) принц Ольденбургский, муж Екатерины Павловны. Очень много сделал для своей новой родины. В частности, учредил в Петербурге Институт Корпуса Инженеров. Умер в 28 лет от болезни, которой

заразился, посетив госпиталь.

20

Реальный факт. Александр I страдал от сухих мозолей, отчего неизменно ходил в сапогах с портянками.

21

Фильм «Освобождение». В оригинале фраза звучала так: «Лучше сделать это самому, чем тебя побреют «мессершмитты».

22

В боекомплект полупудовых единорогов входила дальняя и ближняя картечь. Дальняя – 48 пуль № 7, ближняя – 94 пули № 5. Диаметр пули № 7 – 37,3 мм, вес – 195,4 грамма. Пули № 5 – 30,5 мм и 104,9 грамма соответственно. По сути – малые ядра.

23

Это так. У шестифунтовых пушек русской и французской армии были разные калибры.

Купить: https://tellnovel.com/drozdov_anatoliy/pistol-i-shpaga

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити